

Univerzita Karlova
Pedagogická fakulta
Katedra rusistiky a lingvodidaktiky

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

Образ русского эмигранта в произведениях С.Д. Довлатова
The Image of a Russian Emigrant in the works of S.D. Dovlatov
Obraz Ruského emigranta v dílech S.D. Dovlatova

Maria Nigmatova

Vedoucí práce: PaedDr. Antonín Hlaváček

Studijní program: Specializace v pedagogice

Studijní obor: B AJ-RJ

Odevzdáním této bakalářské práce na téma „Obraz Ruského emigranta v dílech S.D. Dovlatova“ potvrzuji, že jsem ji vypracovala pod vedením vedoucího práce samostatně za použití v práci uvedených pramenů a literatury. Dále potvrzuji, že tato práce nebyla využita k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze 29.11.2018

Ráda bych poděkovala svému vedoucímu PaedDr. Antonínu Hlaváčkovi za trpělivost a spolupráci.

АННОТАЦИЯ

В этой работе будет исследована проблема формирования образа русского эмигранта в произведениях русского писателя – Сергея Довлатова.

Целью работы является не только рассмотреть творчество Сергея Довлатова с точки зрения свободного от ограничений писателя, но и попытаться за стилистическими и поэтическими особенностями его прозы определить особенности образов русских эмигрантов.

В теоретической части данной работы, для более глубокого понимания проблематики третьей волны русской эмиграции проанализированы причины третьей волны эмиграции, главные представители и место Сергея Довлатова в культурном контексте США. Неотъемлемой частью раскрытия темы является биография Сергея Довлатова. Особое место уделено изучению художественного своеобразия прозы С. Довлатова.

Задачей практической части является подборка художественно-выразительных портретов русского эмигранта в произведениях «Иностранка» и «Чемодан» и их категоризация.

Методика написания бакалаврской работы строится на подробном изучении и анализе статей, книг и других материалов, написанных как самим Сергеем Довлатовым, так и писателей-публицистов, характеризующих жизнь и творчество Сергея Довлатова.

Заключительной части отводится роль суммирования новых познаний и сведений, также подведен итог и включены умозаключения автора работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Довлатов, Образ, Эмиграция, Творчество, Проза

ABSTRACT

In this paper, it will be dealt with the issue of shaping the image of a Russian emigrant in the works of Russian writer Sergej Dovlatov.

The aim of the thesis is not only to examine the work of Sergei Dovlatova from the point of view of the writer whose view is unlimited, but also to try to find out the features of images of Russian emigrants using the stylistic and poetic features of his prose.

In the theoretical part of the thesis are analyzed the causes of the third wave of emigration, the main representatives and the place of Sergej Dovlatov in the cultural context of the United States for a deeper understanding of the problems of the third wave of Russian emigration. The biography of Sergej Dovlatov is an integral part of the subject's description. A special place is dedicated to studying the artistic originality of the prose S. Dovlatov.

The task of the practical part is the selection of artistic and expressive portraits of the Russian emigrant in the works "Inostranka" and "Kufr" and their categorization.

The method of writing a bachelor's thesis is based on detailed study and analysis of articles, books and other materials written by Sergei Dovlatov himself, writers and journalists who characterize the life and work of Sergej Dovlatov.

The final part summarizes new findings and information. Part of the conclusion is also the contemplation of the author over the results of the work.

KEYWORDS

Dovlatov, Image, Emigration, Creation, Prose

Оглавление

Введение.....	6
1. Теоретическая часть.....	9
1.1. Третья волна русской эмиграции.....	9
1.2. Биография Сергея Довлатова.....	12
1.3. Художественный стиль Довлатова.....	15
1.4. Писатели-современники о работах Сергея Довлатова.....	20
2. Практическая часть.....	25
2.1. Анализ повести «Иностранка».....	25
2.2. Анализ книги «Чемодан».....	32
2.3. Тип эмигранта в произведениях Сергея Довлатова.....	53
Заключение.....	58
Список литературы.....	65

Введение

В этой работе нами будет исследована проблема формирования образа русского эмигранта в произведениях русского писателя – Сергея Довлатова. С рождением Советской империи наши соотечественники лишились многих прав. Система как бы ненавязчиво разделила всю землю на «Мир» и «Антимир», тем самым не позволяя человеку видеть иной жизни.

Большинство творческих людей того времени в своих работах противопоставляли одно другому, но совершенно другую версию предложил человечеству в 70-х годах XX века писатель Сергей Довлатов. Он нашел возможность сосуществования двух миров в рамках анекдота и абсурда. Причем до него на таком масштабном уровне сделать этого не удавалось никому. Довлатов же попытался отыскать компромисс и дать возможность сосуществовать двум мирам под одной крышей. Мало кто видел в Сергее Довлатове писателя-примиренца, писателя, в чьем нравственно-этическом опыте проявилось не осуждение мира и человека как несовершенных и негативных сущностей, а принятие их такими, какие они есть.

Эта работа ставит своей целью рассмотреть творчество Сергея Довлатова с точки зрения свободного от ограничений писателя. Также мы попробуем разглядеть за стилистическими и поэтическими особенностями его прозы стремление определить особенности русских эмигрантов. Неприятие писателем сложившихся норм и правил общественного поведения, где, по мнению Т. Скрыбиной, «безумие становится естественным, а нормальное, доброжелательное, естественное и интеллигентное - из ряда вон выходящим», неоднозначные отношения с властью, эмиграция - все эти факторы вместе с установкой автора на постоянный художественный поиск повлияли на особенности его творчества.

Особое внимание в работах исследователей уделено изучению художественного своеобразия прозы С. Довлатова. Так, некоторые из них (И. Серман «Гражданин двух миров», А. Арьев «История рассказчика», Г.А. Фролова «... любить жизнь, зная о ней правду!», А.С. Карпов «Свой среди своих (О прозе

Сергея Довлатова)») считают, что оригинальность творческой манеры писателя связана с его тягой к описанию жизни и деятельности героя, находящегося на низших ступенях социальной лестницы, подчас не имеющего средств к существованию, но обладающего высокими духовными качествами. Другие (А. Батчан «"Новые американцы" в поисках Довлатова», Н. Елисеев «Человеческий голос») отмечали особую манеру Довлатова изображать действительность: в его текстах нет ни подробных описаний событий, ни рассуждений о том, как необходимо жить, а представлены только факты, «психологические нюансы повседневной жизни», изложенные «максимально простым, точным и лаконичным языком».

Составленная с учетом точек зрения разных исследователей типология довлатовских эмигрантов позволяет сделать вывод о совсем непростой, а подчас и трагической судьбе людей, оказавшихся в 70-80-е годы XX века по доброй воле в эмиграции. Они - разные: смешные и серьезные, глупые и умные, умеющие вписаться в чужую жизнь и отторгнутые от нее. Бывший советский кинорежиссер и писатель Эфраим Савела на вопрос, как он может объяснить, что такое эмиграция, ответил: «Эмиграция - это операция на сердце. Кто-то ее переносит, кто-то - нет». В такой ситуации оказались и персонажи довлатовских произведений. О ком-то из них Довлатов пишет с грустной, но доброй иронией, о ком-то с сарказмом, всем сочувствуя, всех понимая.

Методика написания бакалаврской работы строится на подробном изучении и анализе статей, книг и других материалов, написанных как самим Сергеем Довлатовым, так и писателей-публицистов, характеризующих жизнь и творчество Сергея Довлатова.

Целью написания данной бакалаврской работы является глубокий анализ характеристик персонажей, олицетворяющих образ русского эмигранта в США в произведениях Сергея Довлатова.

В введении работы обозначен характер проблематики и краткое описание отдельных частей.

В теоретической части данной работы, для более глубокого понимания проблематики третьей волны русской эмиграции проанализированы ее причины,

главные представители данного феномена и место Сергея Довлатова в культурном контексте США. Неотъемлемой частью раскрытия темы является биография Сергея Довлатова, в частности определение периодов его жизни, которые отразились в его творчестве.

Задачей практической части является подборка художественно-выразительных портретов русского эмигранта в выбранных прозаических произведениях Сергея Довлатова. Особое место отводится повести “Иностранка”, где автор в наибольшей степени представляет палитру персонажей, на основе описания которых возможен анализ разнообразия образов и их категоризация.

Заключительной части отводится роль суммирования новых познаний и сведений, также подведен итог и включены умозаключения автора работы.

1. Теоретическая часть

1.1. Третья волна русской эмиграции

Литература русского зарубежья – ветвь русской литературы, возникшей после 1917 и издававшейся вне СССР и России. Различают три периода или три волны русской эмигрантской литературы. Первая волна – с 1918 до начала Второй мировой войны, оккупации Парижа – носила массовый характер. Вторая волна возникла в конце Второй мировой войны (И.Елагин, Д.Кленовский, Л.Ржевский, Н.Моршен, Б.Филлипов).¹

Третья волна началась после хрущевской «оттепели» и вынесла за пределы России крупнейших писателей (А.Солженицын, И.Бродский, С.Довлатов). Наибольшее культурное и литературное значение имеет творчество писателей первой волны русской эмиграции.

С третьей волной эмиграции из СССР преимущественно выезжали представители творческой интеллигенции. Писатели-эмигранты третьей волны, как правило, принадлежали к поколению «шестидесятников», немаловажную роль для этого поколения сыграл факт его формирования в военное и послевоенное время. «Дети войны», выросшие в атмосфере духовного подъема, возлагали надежды на хрущевскую «оттепель», однако вскоре стало очевидно, что коренных перемен в жизни советского общества «оттепель» не сулит. Началом свертывания свободы в стране принято считать 1963, когда состоялось посещение Н.С.Хрущевым выставки художников-авангардистов в Манеже. Середина 1960-х – период новых гонений на творческую интеллигенцию и, в первую очередь, на писателей. Первым писателем, высланным за границу, становится в 1966 В.Тарсис.²

¹ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996). М., 1998.

² Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. - М., 1991.

В начале 1970-х СССР начинает покидать интеллигенция, деятели культуры и науки, в том числе, писатели. Из них многие были лишены советского гражданства (А.Солженицын, В.Аксенов, В.Максимов, В.Войнович и др.). С третьей волной эмиграции за границу выезжают: Аксенов, Ю.Алешковский, Бродский, Г.Владимов, В.Войнович, Ф.Горенштейн, И.Губерман, С.Довлатов, А.Галич, Л.Копелев, Н.Коржавин, Ю.Кублановский, Э.Лимонов, В.Максимов, Ю.Мамлеев, В.Некрасов, С.Соколов, А.Синявский, Солженицын, Д.Рубина и др. Большинство писателей эмигрирует в США, где формируется мощная русская диаспора (Бродский, Коржавин, Аксенов, Довлатов, Алешковский и др.), во Францию (Синявский, Розанова, Некрасов, Лимонов, Максимов, Н.Горбаневская), в Германию (Войнович, Горенштейн).

Писатели третьей волны оказались в эмиграции в совершенно новых условиях, они во многом были не приняты своими предшественниками, чужды «старой эмиграции». В отличие от эмигрантов первой и второй волн, они не ставили перед собой задачи «сохранения культуры» или запечатления лишений, пережитых на родине. Совершенно разный опыт, мировоззрение, даже разный язык мешали возникновению связей между поколениями. Русский язык в СССР и за границей за 50 лет претерпел значительные изменения, творчество представителей третьей волны складывалось не столько под воздействием русской классики, сколько под влиянием популярной в 1960-е американской и латиноамериканской литературы, а также поэзии М.Цветаевой, Б.Пастернака, прозы А.Платонова. Одной из основных черт русской эмигрантской литературы третьей волны станет ее тяготение к авангарду, постмодернизму. Вместе с тем, третья волна была достаточно разнородна: в эмиграции оказались писатели реалистического направления (Солженицын, Владимир), постмодернисты (Соколов, Мамлеев, Лимонов), антиформалист Коржавин. Русская литература третьей волны в эмиграции, по словам Коржавина, это «клубок конфликтов»: «Мы уехали для того, чтобы иметь возможность драться друг с другом».³

³ Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. - М., 1991.

Два крупнейших писателя реалистического направления, работавшие в эмиграции – Солженицын и Владимов. Солженицын создает в изгнании роман-эпопею Красное колесо, в котором обращается к ключевым событиям русской истории 20 в. Владимов публикует роман Генерал и его армия, в котором также касается исторической темы: в центре романа события Великой Отечественной войны, отменившие идейное и классовое противостояние внутри советского общества. Судьбе крестьянского рода посвящает свой роман Семь дней творенья В.Максимов. В.Некрасов, получивший Сталинскую премию за роман В окопах Сталинграда, после выезда публикует Записки зеваки, Маленькую печальную повесть.⁴

Творчество Аксенова, лишённого советского гражданства в 1980, отражает советскую действительность 1950–1970-х, эволюцию его поколения. Роман Ожог даёт панораму послевоенной московской жизни, выводит на авансцену героев 1960-х – хирурга, писателя, саксофониста, скульптора и физика. В роли летописца поколения Аксенов выступает и в Московской саге.

В творчестве Довлатова – редкое, не характерное для русской словесности соединение гротескового мироощущения с отказом от моральных инвектив, выводов. Его рассказы и повести продолжают традицию изображения «маленького человека». В своих новеллах он передаёт стиль жизни и мироощущение поколения 1960-х, атмосферу богемных собраний на ленинградских и московских кухнях, советскую действительность, мытарства русских эмигрантов в Америке. В написанной в эмиграции Иностранке Довлатов иронически изображает эмигрантское существование. 108-я улица Квинса, изображённая в Иностранке, – галерея шаржей на русских эмигрантов.

Войнович за рубежом пробует себя в жанре антиутопии – в романе Москва 2042, в котором дана пародия на Солженицына и изображена агония советского общества.

Синявский публикует в эмиграции Прогулки с Пушкиным, В тени Гоголя.

⁴ Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары, М. – «Республика», 1994.

К постмодернистской традиции относят свое творчество Соколов, Мамлеев, Лимонов. Романы Соколова Школа для дураков, Между собакой и волком, Палисандрия являются изощренными словесными структурами, в них отразилась постмодернистская установка на игру с читателем, смещение временных планов. Маргинальность текста – в прозе Мамлеева, в настоящий момент вернувшего себе российское гражданство. Наиболее известные произведения Мамлеева – Крылья ужаса, Утопи мою голову, Вечный дом, Голос из ничто. Лимонов имитирует соцреализм в повести У нас была прекрасная эпоха, отрицает истэблишмент в книгах Это я – Эдичка, Дневник неудачника, Подросток Савенко, Молодой негодяй.

Видное место в истории русской поэзии принадлежит Бродскому, получившему в 1987 Нобелевскую премию за «развитие и модернизацию классических форм». В эмиграции он публикует стихотворные сборники и поэмы.⁵

Оказавшиеся в изоляции от «старой эмиграции» представители третьей волны открыли свои издательства, создали альманахи и журналы. Один из известнейших журналов третьей волны, «Континент», был создан Максимовым и выходил в Париже. В Париже также издавался журнал «Синтаксис» (М.Розанова, Синявский). Наиболее известные американские издания – газеты «Новый американец» и «Панорама», журнал «Калейдоскоп». В Израиле был основан журнал «Время и мы», в Мюнхене – «Форум». В 1972 в США начинает работать издательство «Ардис», И.Ефимов основывает издательство «Эрмитаж». Вместе с этим, свои позиции сохраняют такие издания, как «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж), «Грани» (Франкфурт-на-Майне).⁶

1.2. Биография Сергея Довлатова

Сергей Довлатов родился 3 сентября 1941 года в Уфе, в семье театрального режиссёра, еврея по происхождению Доната Исааковича Мечика (1909–1995) и

⁵ Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. - М., 1991.

⁶ Русская литература XX в., ч.1 под ред. Ф. Кузнецова, М. – «Просвещение», 1994.

литературного корректора Норы Сергеевны Довлатовой (1908–1999), армянки по происхождению.⁷

Прозаик, журналист, яркий представитель третьей волны русской эмиграции. С 1944 года жил в Ленинграде. В 1959 году поступил на отделение финского языка филологического факультета Ленинградского государственного университета и учился там два с половиной года. Общался с ленинградскими поэтами Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Иосифом Бродским и писателем Сергеем Вольфом («Невидимая книга»), художником Александром Неждановым. Из университета был исключён за неуспеваемость. Затем три года армейской службы во внутренних войсках, охрана исправительных колоний в Республике Коми (посёлок Чиньяворык).⁸

По воспоминаниям Бродского, Довлатов вернулся из армии «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломлённостью во взгляде». Довлатов поступил на факультет журналистики ЛГУ, работал в студенческой многотиражке Ленинградского кораблестроительного института «За кадры верфям», писал рассказы. Был приглашён в группу «Горожане», основанную Марамзиным, Ефимовым, Вахтиным и Губиным. Работал литературным секретарём Веры Пановой. С сентября 1972 до марта 1975 года жил в Эстонии. Для получения таллинской прописки около двух месяцев работал кочегаром в котельной, одновременно являясь внештатным корреспондентом газеты «Советская Эстония». Позже был принят на работу в выпускавшуюся Эстонским морским пароходством еженедельную газету «Моряк Эстонии», занимая должность ответственного секретаря. Являлся внештатным сотрудником городской газеты «Вечерний Таллин».⁹

⁷ Между зоной и островом: О прозе Довлатова Дружба народов. 1996. 7. –С.153-166.

⁸ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996). М., 1998.

⁹ Белый А. Сергей Довлатов: я был и гением, и страшным халтурщиком. Комсомольская правда. 2001-5 июня 16.

Летом 1972 года принят на работу в отдел информации газеты «Советская Эстония». Писал рецензии для журналов «Нева» и «Звезда» В своих рассказах, вошедших в книгу «Компромисс», Довлатов описывает истории из своей журналистской практики в качестве корреспондента «Советской Эстонии», а также рассказывает о работе редакции и жизни своих коллег-журналистов. Набор его первой книги «Пять углов» в издательстве «Ээсти Раамат» был уничтожен по указанию КГБ Эстонской ССР. Работал экскурсоводом в Пушкинском заповеднике под Псковом (Михайловское). Писал прозу. Журналы отвергали его произведения. Рассказ на производственную тему «Интервью» был опубликован в 1974 году в журнале «Юность».

Довлатов публиковался в самиздате, а также в эмигрантских журналах «Континент», «Время и мы» В 1975 году вернулся в Ленинград. Работал в журнале «Костёр». В 1978 году из-за преследования властей Довлатов эмигрировал из СССР, Вену, а затем поселился в Нью-Йорке, Стал одним из создателей русскоязычной газеты «Новый американец», тираж которой достигал 11 тысяч экземпляров, с 1980 по 1982 год был ее главным редактором. Членами его редколлегии были Борис Меттер; Александр Генис; Пётр Вайль; Нина Аловерт - балетный и театральный фотограф, автор множества фотографий С. Довлатова; Григорий Рыскин - поэт и эссеист, и другие. Газета быстро завоевала популярность в эмигрантской среде. Одна за другой выходили книги его прозы. К середине 1980-х годов, в Америке проза Довлатова получила признание, публиковалась в американских газетах и журналах. Он стал вторым после В.Набокова русским писателем, печатавшимся в престижных журналах «Партизан Ревью» и «The New Yorker». За двенадцать лет эмиграции издал двенадцать книг в США и Европе. В СССР писателя знали по самиздату и авторской передаче на Радио «Свобода».

Сергей Довлатов умер 24 августа 1990 года в Нью-Йорке от сердечной недостаточности. Похоронен в армянской части еврейского кладбища «Маунт Хеброн» (Mount Hebron) в нью-йоркском районе Квинс. Через пять дней после смерти Довлатова в России была сдана в набор его книга «Заповедник», ставшая первым значительным произведением писателя, изданным на родине. Основные

произведения Довлатова: «Зона» (1964–1982), «Невидимая книга» (1978), «Соло на ундервуде: Записные книжки» (1980), «Компромисс» (1981), «Заповедник» (1983), «Наши» (1983), «Марш одиноких» (1985), «Ремесло» (1985), «Чемодан» (1986), «Иностранка» (1986), «Не только Бродский» (1988).¹⁰

1.3. Художественный стиль Довлатова

Довлатов - исключительно прозаик. Но сходство с лирикой все же есть: в центре довлатовского творчества - фигура самого автора. Мы нигде не заметим и намека на самолюбование, напротив, рассказчик только и делает, что выставляет себя в невыгодном свете. Писатель стремился показать обыденные случаи из собственной жизни, но превращал их в настоящее художественное событие. Как это ему удавалось, попытаемся рассмотреть на примере книги «Чемодан». Из чего складывается стиль Довлатова, преображающий жизнь в произведение искусства? Довлатов предельно лаконичен. Его книги состояются из небольших рассказов, а рассказы - из коротких фраз. Предложения Довлатова отточены вплоть до начальных букв каждого слова (писатель избегал одинаково начинающихся слов в одной фразе), изменить порядок в них невозможно: содержание, конечно, сохранится, но блеск языка исчезнет. Многие фразы - безусловные афоризмы: «Самое ужасное для пьяницы - очнуться на больничной койке», «Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка- преступна», «Оба были мастерами своего дела и, разумеется, горькими пьяницами»...¹¹ Неподражаемы диалоги Довлатова. Их можно пересказывать, как анекдоты. Однако задача автора не просто развеселить читателя. Диалог является важнейшим приемом, характеризующим героев. Путем напряженной работы над словом Довлатов преобразует повседневность в яркие художественные сцены. Композиция книг Довлатова выверена так же строго, как и языковой стиль. Например, «Чемодан» - это сборник рассказов о вещах, якобы

¹⁰ Андриасова Т. Лишний человек это звучит гордо! Московские новости. 1992. 12 января. 2. –С. 23.

¹¹ Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе конференции "Довлатовские чтения" Поэзия и анекдот Звезда. 1994.

случайно собранных вместе при переезде за границу. Каждый предмет вызывает воспоминания писателя об определенном периоде жизни в Советском Союзе, с детства до отъезда в США. Можно сказать, что в основе композиции «Чемодана» лежит псевдофакт: автобиографический герой взял в эмиграцию в аккурат те вещи, которые символизируют для него основные моменты жизни.¹² Так правду или нет пишет Довлатов? Ответ неоднозначный. Писатель действительно эмигрировал, и причины, толкнувшие его на этот шаг, описаны в книге. Другое дело - как. Из многообразного хаоса жизни Довлатов выбирает наиболее яркие моменты и выстраивает стройное повествование.

- понимание эпохой категории целостности (поскольку цикл - это объединение отдельных целостных произведений в новое целое);
- принцип объединения литературных форм в циклы, который на разных этапах исторического существования зависел от особенностей эстетического восприятия эпохи.

Широкое распространение циклизации в современную эпоху связано с тем, что цикл становится наиболее адекватной формой бытия литературного произведения, в наибольшей степени отражающей глубинные процессы, протекающие в природе искусства в XX веке.¹³ Особое распространение циклизации в XX веке связано с функциями цикла: архетипической, компенсаторной и коммуникативной. Цикл связан с архетипами (бессознательно или сознательно трансформируемыми формами осмысления действительности) колеса, спирали, круга, яйца, шара, сферы, цепи, кусающей свой хвост змеи, общее значение которых сводится к нескольким смысловым пластам:

- «1) единство, нераздельность, целостность;
- 2) вечная повторяемость и круговой повтор всего сущего;
- 3) происхождение всего сущего от первоосновы и возможное возвращение его к той же первооснове в конечном итоге».

12 Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе конференции "Довлатовские чтения" Поэзия и анекдот Звезда. 1994.

13 Коваленко А.Г. Проблема циклизации в русской советской прозе Коваленко А.Г. Циклизация в современной прозе. М., 1987.

Форма «Устного слова» проявляется в особой организации прозы Довлатова, где рассказывание и рассказ, устная речь и письмо, результат и процесс сливаются. Возникающая иллюзия устного рассказа создается доверительным повествованием от первого лица и особым тоном рассказывания, предполагающим строгую фактичность, экономию изобразительных средств и незамедлительную подготовку основной сущности рассказываемого.

Особый ритм довлатовской прозы выступает циклообразующим фактором на уровне организации речевой структуры: неповторимый, близкий к стихотворному ритм отдельных рассказов плавно перетекает в макроритм повествования всего цикла, который отличается неторопливостью, плавностью, сочетающейся с легкостью и динамизмом, организуя повествование, он выражает противоречивый ход жизни, где скорость сменяемости уникальных, неповторимых фрагментов утверждает их непрерывность и вечную повторяемость.¹⁴

Помимо выделенных черт характерной особенностью стиля писателя становятся повторы. Повторяющиеся элементы на разных уровнях организации текста (деталь, образ, мотив, сюжет) как типологический признак циклических структур становятся еще одним циклообразующим фактором - объединяют все произведения Довлатова в единый метатекст -цикл циклов, придавая ему особую рифмованность, сравнимую с автоцитированием в поэзии, и подтверждают особую целостность и неделимость получающегося цикла циклов. Повтор выполняет в циклах Довлатова структурообразующую функцию: многие рассказы циклов «Компромисс», «Наши», «Чемодан» организованы как цепь циклически повторяемых сюжетных конструкций (например, биографии двоюродного брата, дяди Арона, тетки Мары, Эрика Буша, выстроенные как череда повторяющихся взлетов и падений), которые являются подтверждением непреложного для автора гармонического равновесия в человеческой натуре, а повторение таким образом организованных рассказов в объединяющей структуре - цикле утверждает гармоническое равновесие добра и зла в мире как универсального закона человеческого существования.

14 Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: Дис.... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.

Воздействие повтора на идейно-содержательный план цикла выявляет его функцию быть способом как познания действительности, так и авторской позиции, так как циклически повторяясь, художественная мысль оттачивается и приобретает большую глубину. Принципиальная вариативность повторяющихся элементов, касающаяся даже эпизодов жизни автобиографического героя-повествователя, во-первых, продиктована стремлением писателя охватить окружающий мир во всей полноте и многообразии, создав художественный мир всеобъемлющим и универсальным; во-вторых, выявляет сущность важных для автора проблем, лежащих в основе повторяемых варьируемых ситуаций, и пути их решения для автора (так, вложенные в уста разных героев рассуждения о том, какая нация «хуже», поднимают наболевший «национальный вопрос», разрешение которого для автора мы находим в еще одной паре повторяющихся фрагментов - «ключевые должности в российском государстве имеют право занимать ДОСТОЙНЫЕ люди», а окончательно снимается однозначно заявленной авторской позицией: «Сильные чувства - безнациональны. Уже одно это говорит в пользу интернационализма».¹⁵

Форма художественного выражения соотносится с главной целью творчества Сергея Довлатова, которой является «попытка гармонизации жизни» при помощи юмора в мире, где преобладает «ощущение надвигающегося абсурда а посредством мироощущения писателя, основанного наприятии мира во всех его проявлениях, создается гармоническое единение - своеобразная модель мира, выражаемая формой цикла, подразумевающей повторение, непрерывность и единение всех компонентов.

«Всю жизнь мечтал он об оригинальности сглаженной и приглушенной, внешне неузнаваемой и скрытой под покровом общеупотребительной и привычной формы, всю жизнь стремился к выработке того сдержанного, непритязательного слога, при котором читатель и слушатель овладевают содержанием, сами не замечая, каким способом они его усваивают. Всю жизнь он заботился о незаметном стиле, не привлекающем ничьего внимания ... Ему хотелось средствами, простотою доходящими до лепета и граничащими с задушевностью колыбельной песни, выразить свое смешанное настроение любви и страха и тоски и мужества, так чтобы

15 Коваленко А.Г. Проблема циклизации в русской советской прозе Коваленко А.Г. Циклизация в современной прозе. М., 1987.

оно вылилось как бы помимо слов, само собою». Об этой цитате из «Доктора Живаго» Довлатов писал в частном письме, как о «единственной цитате, которую выписал за всю ... жизнь». Видимо не зря он выписал именно этот отрывок из Б. Пастернака. Когда его читаешь, то первым из современных писателей вспоминаешь Довлатова. Как нельзя лучше эти слова характеризуют язык его прозы.¹⁶

Он настолько прост, что назвать его изящным не приходит в голову. Самыми обычными словами писатель замечательно описывает внешность, поведение, событие, настроение, не пользуясь при этом изысканными художественными приемами. Он настолько краток в изложении, что его книги прочитываются за один вечер. После прочтения каждой его фразы очень живо представляешь себе, о чем идет речь. «Не пиши ты эпохами и катаклизмами! Не пиши ты страстями и локомотивами! А пиши ты, дурень, буквами – А, Б, В...»

Жанр коротких историй – вот где особенно проявился талант Довлатова.

Этот жанр можно назвать анекдотом. Тема заостряется, ситуация принимает неожиданный оборот, иногда доводится до абсурда. Здесь хочется написать о его специфическом юморе. Он не использует смешных слов и выражений, не пытается специально рассмешить. Но вслед за бытовой фразой невзрачного персонажа живо представляешь себе парадоксальность описываемой ситуации. Но часто смеются там, где плачут. «Все его смешные истории рассказаны для людей, знающих, что такое незримые, невидимые миру слезы» .

Жанр прозы Довлатова – анекдот – рассказ – цикл рассказов – повесть – книга. Каждый фрагмент его рассказа или повести можно рассматривать как отдельную маленькую новеллу.

«Довлатов создал театр одного рассказчика» . И. Бродский писал: «Я проглатывал его книги в среднем за три-четыре часа непрерывного чтения...».

16 Куллэ В. "Бессмертный вариант простого человека" Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. Итоги Первой международной конференции "Довлатовские чтения" (Городская культура Петербурга -Нью-Йорка 1970-1990-х годов).-СПб., 1999.- С.- 241-243. 138.

1.4. Писатели-современники о работах Сергея Довлатова

Произведения Сергея Довлатова давно уже разлетелись на цитаты, как в России, так и за рубежом. К сожалению, признание и популярность на родине пришли к писателю лишь после смерти. Никто не скажет и не напишет про его жизнь и творчество лучше, чем его современники. В данном параграфе я попыталась дать обзор основных высказываний наиболее популярных современников о Довлатове.

Одним из наиболее известных современников, конечно же, являлся Иосиф Бродский. Он так характеризует произведения писателя Довлатова: «Зависимость реальности от стандартов, предлагаемых литературой, – явление чрезвычайно редкое. Стремление реальности навязать себя литературе – куда более распространенное. Все обходится благополучно, если писатель – просто повествователь, рассказывающий истории, случаи из жизни и т.п. Из такого повествования всегда можно выкинуть кусок, подрезать фабулу, переставить события, изменить имена героев и место действия. Если же писатель – стилист, неизбежна катастрофа: не только с его произведениями, но и житейская.»¹⁷

И далее он очень поэтично и точно характеризует прозу Довлатова: *«Сергея был прежде всего замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы; на каденции авторской речи. Они написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта – большая редкость. Собеседник начинает чувствовать, что у него – каша во рту, и так это на деле и оказывается. Жизнь превращается действительно в соло на ундервуде, ибо рано или поздно человек в писателе впадает в зависимость от писателя в человеке, не от сюжета, но от стиля.»*¹⁸

¹⁷ Иосиф Бродский. О Серее Довлатове. – Журнал «Звезда», № 2, 1992.

¹⁸ Иосиф Бродский. О Серее Довлатове. – Журнал «Звезда», № 2, 1992.

Еще один известный современник писателя – Соломон Волков - культуролог и музыковед в своем интервью для американского журнала «Чайка», так характеризует Сергея Довлатова: «Я бы сравнил Довлатова с Высоцким, популярность которого была «от пионеров до пенсионеров», причем в самых разных кругах общества. Последними признали Довлатова те, кого в Америке называют «академиками», университетская профессура. Но в их кругу, конечно, популярность Довлатова не сравнится с таковой Бродского или даже Пригова, Сорокина и Пелевина. С Довлатовым происходит то, что Саша Генис обозначил так: «То, что трудно читается, легко объясняется, и наоборот».¹⁹

Поэт и эссеист Анатолий Найман в своей статье, посвященной памяти Сергея Довлатова характеризует его как человека, которому доступно все, чего он ни пожелает: любая дружба, любая ответная влюбленность, свобода, деньги, элегантный костюм, беспредельная сила, любой талант. Но при этом далее он отмечает, что: «В действительности, однако, дела обстояли не так роскошно. Денег практически не было, влюблялись не только в него, друзьями становились, пусть на несколько дней, люди, которых он не знал по имени. Даже сила оказывалась достаточной лишь для перемещения в пространстве одного его могучего тела, и когда он помогал переезжать на новую квартиру моему брату, в ход пошли валидол и система длительных перекуров... И талант. Он был наглядно талантлив, бесспорно талантлив, талантливо талантлив. Из всех своих возможностей проявить талант он выбрал литературу. Потому что это занятие ему в общем нравилось, потому что он литературу обожал, и еще потому, что талантливый человек, не привязавший себя ни к одному из предлагаемых ему стоил, считается «погубившим свой талант». Он был много одаренней писателя Довлатова, хотя он мог предъявить свои достижения «по гамбургскому счету» и в литературе. Подозреваю, что писательство было для него еще и средством отгородиться от порядков и людей, так или иначе терзающих каждого. Он был ранимый человек и своими книгами защищался, как ширмой. В конце концов всякая ширма берет на себя функции стены, как всякая маска – лица. Он ее украшению и укреплению отдавал почти все силы, публика таким его и

1 ¹⁹ Довлатов в Америке. Интервью с Соломоном Волковым. – Журнал «Чайка», №23, 2011.

воспринимала, таким и судила. Но жить ему было настолько же неуютно, как тем из нас, кто пользуется любой возможностью эту неуютность подчеркнуть и свою позицию отчужденности, то есть другую ширму, продемонстрировать.»²⁰

Евгений Рейн, русский поэт и прозаик, так вспоминал о Довлатове: он какое-то время в эмиграции писал на русские, советские темы, а потом остановился и долго не писал вообще. И это был мучительный для него период. Потом Серёжа написал два или три небольших и не самых удачных рассказа из эмигрантской русской жизни. Советский, русский материал был исчерпан, а на американские темы он писать не хотел или не мог – в общем, перед концом он был в ужасной депрессии, сильно пил.²¹

«Недавно я в очередной раз просмотрел четырехтомник Довлатова. Много в этих книгах я знаю почти наизусть, а уж особенно то, что придумал сам. Тут нет и тени упрёка. Всякий крупный писатель берет свое добро там, где его находит. А откуда же еще его брать?»

С Сергеем Довлатовым мы были друзьями, соседями, собутыльниками. В те годы я и не предполагал, что буду сочинять что-нибудь, кроме стихов. Поэтому все шутки, сюжетики, анекдоты, что приходили мне в голову, я беззаботно излагал Сереже. Должен же был кто-нибудь их оценить. А у него все шло в дело, он и разрешения у меня не спрашивал. Теперь поздно качать права, что-либо доказывать, да я и не собираюсь это делать. Сейчас я хочу минимальной компенсации, хочу заимствовать у Довлатова некий подлинный житейский сюжетик, который он сам, кажется, не использовал...»²²

Александр Генис, русский писатель, эссеист и литературовед, говорил, что Довлатов, заново открывший «средний штиль» Ломоносова, и сам не заметил совершённой им революции. Сергей просто физически не выносил, когда пишут

20 Сайт, посвященный Сергею Донатовичу Довлатову. Статьи. Анатолий Найман. Персонажи в поисках Автора. <http://www.sergeydovlatov.ru/index.php?cnt=7&sub=2> (дата обращения: 12.09.2018)

21 Рейн Е. Б. Мне скучно без [Довлатова](#). Новые сцены из жизни московской богемы. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1997. – 296 с., 5 000 экз. – [ISBN 5-8370-0359-2](#)

22 Пушкиниана. О власти авторитета. Евгений Рейн. Газета «Алфавит» № 23 (133), 6.6.2001

«пах» вместо «пахнул», а за «представлять из себя» мог, как я выяснил, преследовать неделями.

Возделывая и пропалывая наш грамматический садик, Довлатов расчистил почву для всех. В «Новом американце» все стали взыскательными читателями других и настороженными писателями для себя. Боясь позора, мы, готовые отвечать за каждое лишнее, неточное или скучное слово, писали, озираясь, как в тылу врага.²³

Валерий Попов, в своей книге «Довлатов» писал, что если ему не хватало жизни, он создавал искусственное поле напряжения, переживания. Проклятье писателя в том, что лоб себе разобьет, но историю расскажет. Осторожность тут неуместна. Кровь – и есть чернила. Он кровью писал. Своей и чужой тоже, потому что чужая кровь тоже на нем, он «вырезал» образы из окружающих. Начиная с образа собственного отца – и его он не пожалел «ради красного словца». В его руках все становилось ярче, интереснее, литературнее – и страшней. И с этим приходится смириться.²⁴

²³ Генис А. Довлатов и окрестности / Александр Генис. – М. : Астрель : CORPUS, 2011. – 736 с. [ISBN 978-5-271-33775-8](#) (ООО «Издательство Астрель»).

²⁴ Попов, В.Г. «Довлатов». – М.: Молодая гвардия. 2015 – 368 с. – (Жизнь замечательных людей). – [ISBN 978-5-235-03843-1](#).

Лев Лосев, русский поэт, литературовед и эссеист, педагог, также, как и Довлатов работал на радио. Он восхищался произведениями Сергея Довлатова, писал о том, что Довлатов знал секрет, как писать интересно. То есть он не был авангардистом. После многих лет приглядывания к литературному авангарду я понял его главный секрет: авангардисты – это те, кто не умеет писать интересно. Чужая за собой этот недостаток и понимая, что никакими манифестами и теоретизированиями читателя, которому скучно, не заставишь поверить, что ему интересно, авангардисты прибегают к трюкам. Те, кто попроще, сдабривают свои сочинения эксгибиционизмом и прочими нарушениями налагаемых цивилизацией запретов. Рассчитывают на общечеловеческий интерес к непристойности. Те, кто неначитанней, посмышленее, натягивают собственную прозу на каркас древнего мифа или превращают фабулу в головоломку. Расчет тут на то, что читателя увлечет распознавание знакомого мифа в незнакомой одежке, разгадывание головоломки. И этот расчет часто оправдывается. Чужое и общедоступное, не свое, не созданное литературным трудом и талантом, подсовывается читателю в качестве подлинного творения. Это можно сравнить с тем, как если бы вас пригласили на выступление канатоходца, а циркач вместо того, чтобы крутить сальто на проволоке, разделся догола и предложил вам полюбоваться своими приватными частями. Или вместо того, чтобы ходить по проволоке, прошелся бы по половице, но при этом показывая картинки с изображениями знаменитых канатоходцев.²⁵

²⁵ Лев Лосев. Русский писатель Сергей Довлатов: Газета «Русская мысль» № 3843, 31 августа 1990.

2. Практическая часть

2.1. Анализ повести «Иностранка»

«Иностранка» стала первым серьезным произведением, написанным Сергеем Довлатовым в эмиграции. Повесть включена в школьную и университетскую программы обучения, неоднократно ставилась на театральной сцене в качестве пьесы, переведена на все основные европейские языки и до сих пор пользуется любовью читателей.

Эта книга отчасти посвящена автором «одиноким русским женщинам в Америке» и рассказывает об одной из них. Жизнь главной героини наполнена большими и маленькими бедами, забавными и трагическими событиями, из которых автор и собирает облик «Иностранки». Причем каждый из этих элементов подается Довлатовым с одной стороны очень просто, а с другой – с такой иронией, что смех вызывают даже те моменты, над которыми сами герои повести безутешно рыдают.

Довлатов, получивший за рубежом вожделенную свободу слова, в «Иностранке» использует ее весьма оригинальным способом – он вроде бы и ругает советский режим, но делает это так остроумно и иронично, что прямой упрек оказывается практически незаметным. Автор начинает писать более открыто о некоторых вещах, но все же не переходит некой границы в своей книге. Получается, граница эта устанавливается даже не цензурой, а некими этическими соображениями, коих Довлатов придерживается как во всех своих произведениях.

Для многих именно «Иностранка» стала лучшей книгой Довлатова – в ней автор демонстрирует не только зрелый стиль, безупречное владение языком, способность выстраивать гармоничную и органичную конструкцию произведения, но и некую житейскую мудрость, которая наполняет собой повесть. «Иностранка» написана очень просто, но именно в этом и заключается привлекательность книги,

позволившая ей стать одним из самых читаемых в России произведений своего времени.

Высмеивая ту действительность, за которой он имеет возможность наблюдать, Довлатов делает это с поразительной добротой так, что после прочтения книги остаются только светлые чувства. Создавая центральных персонажей, автор детально прорабатывает их характеры, благодаря чему каждый из них кажется реальным, живым и в чем-то очень симпатичным человеком. При этом не забывает Довлатов и о персонажах второстепенных – населяя ими мир «Иностранки», он не просто расставляет безликие манекены на втором плане, а вводит сюжет живые характеры, которые раскрашивают повесть своим ярким языком, занимательными привычками и поступками.

Здесь нет героев в прямом смысле слова, нет даже сюжета, который можно было бы назвать завершенным, созданным по определенной канве, – «Иностранка» становится источником удовольствия от самого процесса чтения, от возможности наблюдать за жизнью героев, наслаждаясь при этом потрясающим стилем автора.

Эмиграция в Америку представлялась героям произведения чем-то нереальным. Мысль об эмиграции в Америку стала чем-то «напоминающим идею загробной жизни»: *«То есть можно было попытаться начать все сначала. Избавиться от бремени прошлого»*²⁶. Конечно, эмиграция коренным образом изменила жизнь героев, а краткое упоминание об их прошлом напоминает в отдельных случаях некролог, ср., например: *«Леве Баранову за шестьдесят. Он бывший художник-молотовист»*²⁷; *«Еселевский был в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма»*²⁸; *«В Союзе Зяма был юристом»*²⁹; *«В Союзе Зарецкий был*

²⁶ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 44

²⁷ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 9

²⁸ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 10

²⁹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 13

известен популярными монографиями о деятелях культуры»³⁰; «В Союзе Лемкус был профессиональным затейником»³¹ и др.

Россия (Советский Союз) является своеобразной «точкой отсчета» действия повести: описание Америки/США всегда происходит в сравнении с Россией, отмечается что «у них» не так, как «у нас», а совпадающие реалии просто не замечаются ни героями, ни автором-повествователем, ср., например: «Люди одеты похуже, чем в Доме кино. Однако получше, чем в Доме науки и техники»³².

Содержание концепта «Образа русского эмигранта» представлено следующими типами информации: общая характеристика, эмоциональное состояние героев, культура, население, жизненные и духовные ценности и т.д.

Поскольку жизнь всех героев сосредоточена в одном городе, то и представление обо всей стране у них складывается только по одному городу – Нью-Йорку. В связи с этим ключевым словом концепта «Образа русского эмигранта» будет лексема «цивилизация»: «Муся ехала “Амтраком” в шесть утра. За окнами мелькали реки, горы, перелески – все как будто нарисованное. Утренний пейзаж в оконной раме. Не природа, думала Маруся, а какая-то цивилизация...»³³.

Знакомство с американской культурой главной героини начинается в аэропорту Кеннеди: «Еще через шестнадцать дней Маруся приземлилась в аэропорту имени Кеннеди. В руках у нее был пакет с кукурузными чипсами»³⁴. Американская культура – это не только чипсы, но и автомо-били, Бродвей, витрины, дайперсы, разноцветная бумажная посуда, фисташки: «Ночной Бродвей показался ей шумным и грязным»³⁵; «Черета автомобилей на бульваре превратилась в стоянку

³⁰ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 14

³¹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 17

³² Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 63

³³ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 123-124

³⁴ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 47

³⁵ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 53

такси... Мимо захламленных тротуаров и ослепительных, безвкусных витрин»³⁶; «Эти самые дайперсы – первое, что Маруся оценила на Западе. Кроме того, ей нравились чипсы, фисташки и разноцветная бумажная посуда. Поел и выбросил...»³⁷ и т.д.

Город оглушил героиню, его звуковая характеристика выражена в словах: вой, сирены, гудки, крики лотошников, шум, нескончаемый барабанный грохот, однообразная вибрирующая музыка, грохот...: *«Триста восемьдесят шагов сквозь разноцветную, праздную, горланящую толпу. В облаках бензиновой гари, табачного дыма и запаха уличных жаровен. ...Под крики лотошников, вой автомобильных сирен и нескончаемый барабанный грохот...»³⁸; «Там грохотала музыка»³⁹; «В нашей жизни слишком много шума. Это вредно. Действует на психику. От этого все люди стали нервными и злыми. Людям просто не хватает тишины»⁴⁰.*

В содержании концепта эмиграции в Америку представлен еще один тип информации – запах: аммиачное зловоние, бензиновая гарь, запах дыма, уличных жаровень, пиццерии, косметики..., например: *«Ей хотелось достичь равнодушия к шуму транзисторов и аммиачному зловонию сабвея»⁴¹; «Смешанные запахи пиццерии, косметики и бензиновой гари?»⁴²; «Тяжелый запах дыма и бензина»⁴³ и др.*

Эмоциональная составляющая концепта «Образа русского эмигранта» представлена неоднозначно. С одной стороны, чужая незнакомая среда вызывает у героев чувства страха, беспомощности, одиночества, тревоги, раздражения,

³⁶ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 58

³⁷ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 55

³⁸ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 58

³⁹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 119

⁴⁰ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 120

⁴¹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 58

⁴² Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 80

⁴³ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 112

неустойчивости, желание выпить: *«Нью-Йорк внушал Марусе чувство раздражения и страха... Ежедневная порция страха и неуверенности...»*⁴⁴; *«Маруся чувствовала себя, как на даче у родственников. Рано или поздно надо будет возвращаться домой. Но куда? ...В общем, чувство тревоги с каждым днем нарастало...»*⁴⁵; *«Рафаэль материализовался из общего чувства неустойчивости. Из ощущения праздника, беды, успеха, неудачи, катастрофической феерии»*⁴⁶ и др.

Объединяющим всех эмигрантов является чувство разочарования, рухнувшей надежды: *«На Западе Еселевский окончательно разочаровался в марксизме. Начал публиковать в эмигрантских газетах запальчивые статьи. Но затем он разочаровался и в эмигрантских газетах»*⁴⁷; *«Америка разочаровала Каравалева»*⁴⁸, у Рафаэля галстук *«цвета рухнувшей надежды»*⁴⁹ и т.д.

Разочарование вызвано крушением представлений об Америке как стране свободы и демократии, которые сложились на родине. Этим объясняется прием иронии, который использует автор в изображении своих героев. Например, Маруся Татарович пишет своим родителям: *«Свободы здесь еще больше, чем в Австрии. В специальных магазинах продаются каучуковые органы. Вы понимаете? Мамуля бы сейчас же в обморок упала»*⁵⁰. Или диалог героини с автором-рассказчиком: *«— А свобода? — На фиг мне свобода! Я хочу покоя... И вообще, зачем нужна свобода, когда у меня есть папа?! — Ты даешь! — Нормальный человек, он и в Москве свободен. ... — В общем, жизни нет»*⁵¹.

⁴⁴ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 58

⁴⁵ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 63

⁴⁶ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 81

⁴⁷ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 10

⁴⁸ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 17

⁴⁹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 81

⁵⁰ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 64

⁵¹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 113

Свобода и демократия – визитная карточка великой и богатой страны – для русских эмигрантов оказались иллюзией: *«Дома не было свободы, зато имелись читатели. Здесь свободы хватало, но читатели отсутствовали»*⁵². Иллюзия, как оказалось, самый ходовой товар в Америке: *«Я буду торговать иллюзиями по сорок центов штука. И заработаю на этом миллионы. Потому что самый ходовой товар в Америке – иллюзия...»*⁵³.

Разочарование рождает чувство одиночества, ощущение себя чужим и ненужным в *«чужой, заморской, непонятной жизни»*⁵⁴: *«Одиноким русским женщинам...»* [эпиграф]; *«Но мы в чужой стране. Языка практически не знаем. В законах ориентируемся слабо. К оружию не привыкли. А тут у каждого второго – пистолет. Если не бомба...»*⁵⁵; *«Великая страна! Да мы-то здесь чужие, независимо от убеждений»*⁵⁶.

Ненужными в богатой и великой стране оказываются русская литература и все те ценности (не материальные), за которые эмигранты терпели гонения на родине: *«Известно, что американцы предпочитают собственную литературу. Переводные книги здесь довольно редко становятся бестселлерами. Библия – исключительный случай»*⁵⁷. Но в Америке нет справедливости, ее ценности – деньги, богатство; заветная мечта – разбогатеть, получить миллионы: *«Я заработаю миллионы! Вот увидишь! Миллионы!»*⁵⁸.

Показательно сравнение русских эмигрантов с командированными, зажавшими в руке «два сорок». В этом отношении русские эмигранты очень отличаются от типичных американцев, целеустремленных, богатых, со здоровыми

⁵² Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 13

⁵³ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 104

⁵⁴ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 80

⁵⁵ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 85

⁵⁶ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 118

⁵⁷ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 75

⁵⁸ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 120

нервами, которые переодеваются каждый день, являются принципиальными оптимистами, рассчитывают только на себя:

«– Просто Джи Кей – типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому.

Большинство из них – принципиальные оптимисты...

Лора объясняла Мусе:

– Америка любит сильных, красивых и нахальных. Это страна деловых, целеустремленных людей. Неудачников американцы дружно презирают. Рассчитывать здесь можно только лишь на одного себя...»⁵⁹.

Поэтому планы на будущее, как и само будущее, остается в прошлой жизни, т.е. в России:

«– Какие могут быть гарантии? И что тут говорить о будущем? Это в Союзе только и разговоров, что о будущем. А здесь – живешь и ладно...»⁶⁰.

Отчаяние вызывает неожиданное желание: «Я хочу домой!» (так называется одна из глав). Возникает закономерный вопрос: «Стоило ли ехать в такую даль?» Этот вопрос стоит не только перед главной героиней, но ни она, ни другие эмигранты не могут найти на него ответ:

«– И все же, – спрашивала Лора, – почему ты уехала? Политика тебя не волновала. Материально ты была устроена. От антисемитизма страдать не могла...»⁶¹.

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, кроется в самом жанре произведения – жанре путешествия: «Путешествие – в фольклоре, в литературе – это всегда путь к себе»⁶². Эмиграция героев – путь к себе. Главная героиня Мария Татарович,

⁵⁹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 54

⁶⁰ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 89

⁶¹ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 52

⁶² Умеров Ш.Г. Пространство и время: заграничное путешествие людей «дна» как протожанр в новейшей русской литературе // История и современность. 2011. № 2. С. 183

кажется, нашла себя, об этом говорит название последней главы «Хэппи энд». Из хаоса чужой жизни начала складываться разумная стихия: *«Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки. Шумный торговый перекресток вдруг распался на овощную лавку, кафетерий, страховое агентство и деликатесный магазин. Черда автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси. Запах горячего хлеба стал неотделим от пестрой вывески “Бекери”. Образовалась связь между толпой ребятишек и кирпичной двухэтажной школой...»*⁶³.

2.2. Анализ книги «Чемодан»

В «Чемодане» повествование ведётся от лица самого Довлатова. Впрочем, это не означает, что всё им рассказанное – чистая правда. Писатель утверждал, что в его произведения не заключена какая-либо мораль, так как сам автор не знает, для чего живут люди: *«Деятельность писателя в традиционном русском понимании связана с постановкой каких-то исторических, психологических, нравственных задач. А я рассказываю истории. Я когда-то делал это устно, а потом начал эти истории записывать. Я чувствую себя естественно и нормально, когда я что-то рассказываю или записываю... Поэтому всю свою жизнь я рассказываю истории, которые либо где-то слышал, либо выдумал, либо преобразил»*⁶⁴. Герой Довлатова – не только «простой человек», но такой, как все, такой, как любой из нас, носит имя и фамилию самого автора.

Краткость – сестра таланта» - эта догма применима к произведениям Довлатова. Форма рассказов содержит: сжатый сюжет в рамках небольшого отрезка времени.

«Чемодан» – цикл рассказов, каждый из которых назван именем вещи. Она, эта вещь, и является главным после автора действующим лицом каждого рассказа. Писатель укладывает их в старый чемодан, чтобы увезти с собой в Америку. *«Когда-*

⁶³ Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 58

⁶⁴ Глэд Джон. Беседы в изгнании - Русское литературное зарубежье **Вашингтон, 5 января 1988**

то я ездил с ним в пионерский лагерь. На крышке было чернилами выведено: «Младшая группа. Сережа Довлатов»⁶⁵. Рядом кто-то дружелюбно нацарапал: «говночист». В своей обычной манере, в трех коротких предложениях писатель очень живо описал кусочек того времени. Колонны автобусов, безумное количество детишек, все подписано: одежда, чемоданы, мешки для обуви. Потрясающе без комментариев на страницы взрослого рассказа перенесен непритязательный детсадовский юмор. И вдруг это оказывается смешно.

Чемодан становится складом памяти, он таит воспоминания. Чемодан «Чемодана», кажется, реален, но у него, возможно, существуют литературные прототипы. У Ильи Ильфа в «Записных книжках» есть фраза «Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу». Чемодан в книге – хранитель «пропащей, бесценной, единственной жизни». В «Чемодане» вещи хранят в себе память о прошлом, память, которую невозможно вытряхнуть точно пыль. Собранные вместе, вещи становятся своеобразным конспектом прожитых лет. Недаром эпитафией к циклу выбраны слова Александра Блока: «Но и такой, моя Россия, Ты всех краёв дороже мне». «Пропащая, бесценная, единственная жизнь» выглядит в «Чемодане» уже не процессом, а неким предварительным итогом.

Каждый рассказ из цикла «Чемодан», повествует нам об истории предмета одежды из чемодана писателя – одежды, которая была нажита автором за тридцать шесть лет. Но все не так просто. Каждая вещь – и «креповые финские носки», и «номенклатурные полуботинки», и «приличный двубортный костюм», и «офицерский ремень», и «куртка Фернана Леже», и «поплиновая рубашка», и «зимняя шапка», и «шоферские перчатки» - несет за собой коллизии, а главное – переживания из жизни героя – самого автора. То есть и рассказы Сергея Довлатова несут на себе отпечаток документальности

Самый первый рассказ из цикла «Чемодан» - «Креповые финские носки» произвел на меня наиболее сильное впечатление, может быть потому, что он первый;

⁶⁵ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

и я постоянно подчеркивала западающие в душу фразы – целые абзацы, по сути. Как то:

«Всех людей можно разделить на две категории. На тех, кто спрашивает. На тех, кто отвечает. На тех, кто задает вопросы. И на тех, кто с раздражением хмурится в ответ»⁶⁶.

В приведенном абзаце присутствует философская мысль о людях не только нашей советской и российской действительности, но и о людях вообще.

Или еще одна философская заметка, которыми так богаты произведения Сергея Довлатова:

«Большинство людей считает неразрешимыми те проблемы, решение которых мало их устраивает. И они постоянно задают вопросы, хотя правдивые ответы им совершенно не требуются»⁶⁷.

В следующих примерах звучит не только философия, но и сарказм, ирония и грусть, перемешанная с тоской о настоящей любви и, наверное, желание, чтобы отсутствовала погоня за деньгами на свете:

«Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка – преступна».

... «Я заметил – когда человек влюблен и у него долги, то предметом разговоров становится его моральный облик»⁶⁸.

История с финскими носками, несмотря на столь прямолинейное название, попутно включает в себя самокритичный выбор будущей профессии, почти первую любовь, расставание, и еще целых двадцать лет жизни в тезисах. Самоирония, как всегда, на высоте, и вместо, казалось бы, ожидаемых насмешек внушает читателю симпатию к автору.

⁶⁶ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁶⁷ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁶⁸ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

«Существуют в мире точные науки. А, значит, существуют и неточные. Среди неточных, я думаю, первое место занимает филология. Так я превратился в студента филфака»⁶⁹.

Герой рассказа «Креповые финские носки», Фред, перекупщик, рискующий из-за своих махинаций угодить в тюрьму, оправдывается так, как, казалось бы, хотел и сам автор оправдаться:

«Уж лучше жить минуту, но по-человечески»⁷⁰.

Но автор имеет другое, параллельное убеждение: грош цена тому интеллигенту, который не побывал в тюрьме. Так Довлатов оправдывает свои «подвиги» тем, что все это для настоящей литературы. Работая журналистом, автор постоянно тревожится мыслями: «Что происходит? Все не для печати. Все кругом не для печати. Не знаю, откуда советские журналисты черпают темы!..» Горечи в этих словах не меньше, чем в поэзии Некрасова, болеющего за простых крестьян. Как Николаю Некрасову, который видел каждый день из своего окна на Владимирке узников, так и Сергей Донатович Довлатов видел зэков современных. Что изменилось с тех пор? Да практически ничего: не зэк виноват, а режим, власть, доведшая человека до состояния зэка.

Советский Союз. Перед официантами все бессильны. И те, у кого есть деньги, тоже. Фарцовщик Фред в рассказе циничен и остроумен:

«Все равно будешь сорок минут дожидаться, когда тебе принесут чебуреки на маргарине»⁷¹.

Анекдотический прием – гротеск – доведение ситуации до абсурда. Двести сорок пар носков, оставшихся после неудачной торговой сделки, никак не могли кончиться за двадцать лет, и такое ощущение, что еще и умножились. Ими затыкали

⁶⁹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁷⁰ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁷¹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

все дыры. (У Дины Рубиной апельсинами забивали гвозди, так было много апельсинов).

Ну и под конец – нехарактерный для Довлатова выпад против бывшей возлюбленной: «Ася ... преподает лексикологию в Стэнфорде. Что весьма странно характеризует американскую науку». Но ведь мы не были ни одним словом посвящены в умственные способности несчастной Аси.

Следующий чемоданный персонаж – «Номенклатурные полуботинки». Перекликающаяся с «Компромиссами» тема трудового «энтузиазма» вечно пьяных трудящихся. Довлатов – ученик камнереза. Его учителя были *«мастерами своего дела и, разумеется, горькими пьяницами»*⁷². Между делом в повествование вставлен анекдот про «Запорожец» камнереза, который засыпало снегом на всю зиму. «Запорожец» стал плоским, как гоночная машина. Крыша его была продавлена детскими санками». Вряд ли автор сам видел тот «Запорожец», но со слов владельца представил его именно так. Эта коротенькая история много говорит нам о «Запорожце» и его наезднике. Сразу видно отношение к простой народной марке автомобиля самого же простого народа, дворовых детей (попробовали бы покататься с крыши другого авто). А хозяин-то каков: купил машину неизвестно для чего, как будто отметить, а ездить на ней вовсе не собирался по причине хронического пьянства.

Бригада ваяла Ломоносова для питерского метро. В процессе изготовления ученый становился похож то на бабу, то на свинью. Короче, был «упитанным, женственным и неопрятным». По словам скульптора Чудновского – «последний крик метафизического синтетизма». Процесс приобщения ученика к мастерству камнереза сводился к покупке водки по шесть раз на день сначала для своей бригады, а потом и для всех остальных.

*«Я убирал мусор. Мои учителя наводили последний глянец»*⁷³. Коротко и ясно.

⁷² Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенafly: «Эрмитаж», 1986.

⁷³ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенafly: «Эрмитаж», 1986.

Наконец, митинг в честь открытия станции «Ломоносовская». Отвратительная в изображении автора фигура мэра (по старому, первого секретаря чего-то городского).

«Около минуты лицо почетного гостя выражало крайнюю сосредоточенность. Потом, издав едва уловимый звук лопнувшей шины, мэр весело откинулся на спинку кресла. И с облегчением взял бутерброд»⁷⁴.

Ну может ли человек быть еще противнее? По крайней мере, у Довлатова это большая редкость. Не заставлял хотя бы мерзкого первого секретаря брать бутерброд.

Его охрана не лучше. «Могу я чем-то помочь?» – вмешался начальник станции. «Убирайся, старый пидор!» – раздалось в ответ»⁷⁵.

И вдруг Довлатов стащил из-под стола мэрские ботинки. Сам не может объяснить, зачем. Говорит, раз в жизни такое случается с каждым приличным человеком. Спорное утверждение. Зато вышеуказанные ботинки поехали с ним в Америку в эпохальном чемодане.

В рассказе «Приличный двубортный костюм» Довлатов описывает журналистские будни. Рассказ Довлатова «пестрит» легким, искрящимся юмором. Много «шуточек» автор отпускает в адрес работников редакции. Например, писательская усмешка звучит в обращении редактора к журналисту Довлатову:

«Извольте одеваться так, как подобает работнику солидной газеты». (А как подобает? – напрашивается вопрос.)⁷⁶

Или выражение ответственного секретаря Минца, по которому Довлатов был «наиболее репрезентативным». Или подшучивание над заведующим отделом

⁷⁴ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁷⁵ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁷⁶ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

пропаганды Безугловым, которому то *«срочно нужен узбек... любого качества», то он пьет «только вечером... не раньше часу дня»*⁷⁷ и так далее.

Но и в этом рассказе присутствуют философские нотки, принадлежащие Сергею Донатовичу Довлатову:

*«Имея большую зарплату, можно позволить себе такую роскошь, как добродушие»*⁷⁸.

Безуглов, например, у Довлатова не отличает хохлому от пахлавы. Он почти уверен, что *«пахлава растет в огороде»*. Правда, он замечает:

*- Я не знаю, где растет пахлава. И знать не хочу. Но я хорошо знаю последние инструкции горкома... Короче, с узбеком порядок.*⁷⁹

Вот так вот... Газете нужен не человек с реальными жизненными условиями, а некий манекен под названием «узбек». О чем бы ни собрался делать материал герой, все не годится для печати. Реставратор старинных автомобилей не подходит из-за иностранной фамилии. Подходящая с этой точки зрения дворничиха Брыкина радостно рассказывает про свою *«собачью жизнь» матери-героини*: Сорок рублей нам положено в месяц. Ну и ордена с медалями. Вон на окне стоит полная банка. На мандарины бы их сменять, один к четырем». Швед Артур, шесть лет учивший русский язык, чтобы написать книгу о России, через неделю высылается как шпион. Далее еще лучше – Довлатова майор КГБ подозревает в пособничестве шпиону из Швеции, который хотел написать книгу о России, благодаря появлению которого автору и выдали деньги на костюм за сто двадцать рублей из Фрунзенского Универмага. (Действие рассказа происходит в Санкт-Петербурге). Довлатов - журналист лишен возможности говорить правду.

Грустно становится, когда дочитываешь рассказ до конца. Может быть, просто от того, что «работник солидной газеты» зарабатывает так мало, что у него

⁷⁷ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁷⁸ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁷⁹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

нет средств даже для того, чтобы купить себе одежду для похода в театр. Следующая вещь доставаемая из чемодана была офицерским ремнем. «Офицерский ремень».

За год до этого меня призвали в армию. Я был зачислен в лагерную охрану. Офицерский ремень достался писателю от спятившего с перепоя сослуживца. Вот и мы узнали немного о службе в конвойных войсках по небольшому эпизоду конвоирования зэка в психбольницу. Если бы все шло, как надо, не было бы этого рассказа. «Впереди, рыдая, идет чекист. Дальше – ненормальный зэк с пистолетом. И замыкает шествие ефрейтор с окровавленной повязкой на голове» . Вот это конвой! Жизнь полна абсурда во всем.

Ремень не простой: из натуральной кожи, с латунной напайкой на бляхе – смертоносное оружие. Той самой бляхой и огрел писателя сослуживец. После удара писательское человеколюбие не иссякло. Он делился с придурком едой, носил ему на гауптвахту сигареты, составлял оправдательную речь, чтобы тот избежал дисбата.

Если лагерные надзиратели, среди которых был Довлатов, конвоируя зэка, распивают вместе с ним водку? Причем возникает пьяная драка, которую затеял не преступник, а охранник. Довлатов убежден, что лагерная «колючка» - фикция, разницы. между заключенными и охранниками - никакой.

Теперь, что это, собственно, за ремень?

Я увидел латунную бляху с рельефной звездой. Внутренняя сторона её была залита оловом. Ремень с такой напайкой превращался в грозное оружие. Была у нас в ту пору мода – чекисты заводили себе кожаные офицерские ремни. Потом заливали бляху слоем олова и шли на танцы. Если возникало побоище, латунные бляхи мелькали над головами...⁸⁰

Именно такой бляхой и получает Довлатов от своего «товарища»...

То есть в армии этот ремень, прежде всего, – для самообороны. И свою правду здесь можно отстоять только при помощи такой вот бляхи.

⁸⁰ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тераfly: «Эрмитаж», 1986.

Важны слова Довлатова, которые он произносит, сидя на «привале», когда ведет зека в психбольницу:

Водка начинала действовать, и я подумал: «Хорошо на свободе! Вот демобилизируюсь и буду часами гулять по улицам. Зайду в кафе на Марата. Покурю на скамейке у здания Думы...»

Я знаю, что свобода – философское понятие. Меня это не интересует. Ведь рабы не интересуются философией. Иди куда хочешь – вот что такое свобода!...⁸¹

То есть это - правда в обществе рабов. И себя Довлатов ставит наряду с ними, называя себя рабом, но его интеллигентность ставит его выше, он – не раб. Рабство/свобода здесь, как мне кажется, употребляется не, столько в смысле физического угнетения, сколько в смысле идеологического давления на людей. И раб – это тот, кто поддался на «идеологическую обработку», а свободный человек – это человек, сохранивший индивидуальность и способный мыслить самостоятельно. И Довлатов из последних.

Теоретически я мог пристрелить или хотя бы ранить. Мы ведь были на задании. Так сказать, в боевой обстановке. Меня бы оправдали. Вместо этого я снова двинулся к нему. Интеллигентность мне вредила, еще, когда я занимался боксом.⁸²

Это пример его интеллигентности, а теперь, наоборот, пример не, столько рабства, сколько тупости Чурилина:

-Сергея, извини! Я был не прав... Раскаиваюсь... Искренне раскаиваюсь... Действовал в состоянии эффекта...

-Аффекта,- поправил я.

Чурилин осторожно шагнул в мою сторону:

-Я пошутить хотел... Для смеха... У меня к тебе претензий нет.

⁸¹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁸² Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

-Еще бы,- говорю.

Что я мог ему сказать? Что можно сказать человеку, который употребляет лосьон «Гигиена» только внутрь?..⁸³

Получается, что здесь и описываются взаимоотношения раба и интеллигента, при взаимном непонимании друг друга

История советского принца и советского нищего в «Куртке Фернана Леже» начинается так же, как у М. Твена. Вместе росли родившиеся в один год сын известного артиста и депутата Верховного Совета и сын выдающегося только своей худобой рядового театрального деятеля. *«У Черкасова была дача, машина, квартира и слава. У моего отца была только астма»⁸⁴*. Только местами принц и нищий не менялись. Кстати, ни в одном рассказе Довлатов не упоминал своих родителей специально. Тоже,

Что из себя представляла эта куртка?

Она вручила нам подарки. Маме – изящную театральную сумочку. Лене – косметический набор. Мне досталась старая вельветовая куртка. Откровенно говоря, я был немного растерян. Куртка явно требовала чистки и ремонта. Локти блестели. Пуговиц не хватало. У ворота и на рукаве я заметил следы масляной краски.

Я даже подумал – лучше бы привезла авторучку. Но вслух произнес:

-Спасибо. Зря беспокоились.

Не мог же я крикнуть: «Где вам удалось приобрести такое старье?!»

А куртка была действительно старая. Такие куртки, ели верить советским плакатам, носят американские безработные.

Черкасова как-то странно поглядела на меня и говорит:

⁸³ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁸⁴ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

*-Это куртка Фернана Леже. Он был приблизительно твоей комплекции.*⁸⁵

Интересна также и мотивация этого подарка со стороны Черкасовой:

*-Когда-то мы были с ним очень дружны. Потом я дружила с его вдовой. Рассказала ей о твоём существовании. Надя полезла в шкаф. Достала эту куртку и протянула мне. Она говорит, что Фернан завещал ей быть другом всякого сброда...*⁸⁶

И, по-моему, Довлатов этого не отрицает, наоборот, поддерживает, говоря и о себе и о своем окружении, опять же противопоставляя себя Андрею, который всегда дружил с мальчиками из хороших семей:

*Всю сознательную жизнь меня инстинктивно влекло к ущербным людям – беднякам, хулиганам, начинающим поэтам. Тысячу раз я заводил приличную компанию, и все неудачно. Только в обществе дикарей, шизофреников и подонков я чувствовал себя уверенно. <...> Я не обижался. Я лет с двенадцати ощущал, что меня неудержимо влечет к подонкам. Не удивительно, что семеро из моих школьных знакомых прошли в дальнейшем через лагерь.*⁸⁷

Получается, что куртку Фернана Леже можно с уверенностью назвать противоположностью приличному двубортному костюму. Костюм – dress code , куртка – «друг сброда»; костюм – нужен людям, которые хотят соответствовать внешне стандартам приличных и благополучных, успешных и занимающих приличное положение в обществе людей, но совершенно не нужен Довлатову, который не разделяет взглядов этого общества на то, «что такое хорошо и что такое плохо»; а потертая куртка – не приемлема в этом обществе, но очень дорога ему как вещественное доказательство его инакомыслия и. значит, нужна Довлатову. То есть куртка – повод рассказать о своем нравственно-эстетическом чувстве, о своих ценностях и приоритетах.

⁸⁵ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁸⁶ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁸⁷ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

В этом рассказе идет Довлатов снова касается тем пьянства, кумиров, диссидентства, то есть политических взглядов.

«Поплиновая рубашка». Много написано о любви, но в таком виде – впервые. Всего-то человеку надо было найти свою фотографию среди прочих бумаг жены. На фоне семейной жизни, полной равнодушия – это шок. Так любовь или не любовь? Да или нет, как в предыдущем рассказе? А бог его знает, не понятно. Но на лишние деньги перед отъездом отъезжающая навсегда возлюбленная сделала владельцу чемодана нелепый подарок – поплиновую рубашку. Даже не поймешь, трогательно или нет. А в принципе мы видим в этом рассказе портрет, пожалуй, идеальной жены писателя, поэта или художника. Нет страстей, претензий, упреков. Самое ценное, что все это на фоне налаженного быта.

-У меня оставались лишние деньги. Это тебе.

В коробке лежала импортная поплиновая рубаха. Если на ошибаюсь, румынского производства.

-Ну что ж,- говорю,- спасибо. Приличная рубаха, скромная и доброкачественная. Да здравствует товарищ Чаушеску!..

Только куда я в ней пойду? В самом деле – куда?!⁸⁸

То есть, это даже сложно назвать подарком, просто остались лишние деньги.... И сам Довлатов формулирует, что на оставшиеся деньги жена купила ему то, что казалось ей важным и нужным в Союзе, то есть приличную вещь. С другой стороны, она – память о его отношениях, о его любви, поэтому она также вещь личной памяти. Хотя вещь такого рода - поплиновая рубаха - вещь ему лично совершенно ненужная.

В этом рассказе присутствует, как в и других тема диссидентства, но здесь она развивается и углубляется. Для того, чтобы понять более четко, о чем идет речь, мне захотелось ввести еще два понятия: истинный диссидент и поверхностный

⁸⁸ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенafly: «Эрмитаж», 1986.

диссидент Довлатова естественно, можно назвать – истинным диссидентом, хотя и подавленным, а Лену (его жену) – поверхностным диссидентом.

То есть Лена, как и Довлатов, понимает бессмысленность и даже глупость подобных действий (мне кажется, что это актуальная и на сегодняшний день проблема), но важно другое: человек, перепутавший Солженицына (знаковая фигура для инакомыслящих в Советском Союзе) с Достоевским... (Вспомните, у обоих была борода). Налицо Отсутствие истинной образованности, истинной культуры, истинной интеллигентности. И вещи здесь как бы выступают «мерилом» этой истинности.

Интеллигенты. По мнению Довлатова, тоже бывают истинными и ложными. Вот что он пишет о «полноценном человеке»:

Раньше полноценному человеку нужны были дубленка и кандидатская степень. Теперь к этому прибавился израильский вызов. О нем мечтал любой интеллигент. Даже если он не собирался эмигрировать. Так, на всякий случай.⁸⁹

Важна эта дубленка для полноценного человека. Дубленка – вещь, характеризующая стиль жизни, отделяющая полноценного человека от неполноценного. В следующих рассказах мы её ещё встретим: у Довлатова – шапка, у неё – дубленка...

Начало эмиграции – 1977год, по этой дате и восстановлено, о каком времени идет повествование.

Интересно, как герой пытался пустить пыль в глаза своей будущей жене, придя в ресторан Дома литераторов. Можно было похвастаться знакомством с известными людьми. Получилась полная ерунда.

Зимняя шапка. Зимняя шапка досталась писателю странным образом: она принадлежала неизвестно кому и была добыта в драке. Больше этот трофей ничем не примечателен. Зато вспомнились события, предшествующие драке.

⁸⁹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

*Собираясь в редакцию, я натянул уродливую лыжную шапочку, забытую кем-то из гостей. Сойдет, думаю, тем более что в зеркало я не смотрел уже лет пятнадцать...*⁹⁰

Довлатову все равно, во что одеваться, ему безразличен его внешний вид, и в зеркало ему смотреться не за чем. Поэтому чужая, на этот момент, уродливая шапка ему подходит.

Начало рассказа, самоубийство Раи, это то, что делает этот рассказ наиболее серьезным из всех. Тема ухода из жизни, и причины этого ухода, как бы подвигают Довлатова на свой «поступок». Рая ушла из жизни, он уходит из редакции.

*И мне вдруг стало тошно. Причем до такой степени, что у меня заболела голова. Я решил уволиться, точнее – даже не возвращаться после обеда за своими бумагами. Просто взять и уйти без единого слова. Именно так – миновать проходную, сесть в автобус.... А дальше? Что будет дальше, уже не имело значения. Лишь бы уйти из редакции с её железными принципами, фальшивым энтузиазмом, неосуществимыми мечтами о творчестве...*⁹¹

А причина Раиного самоубийства, уже знакомая нам тема, еврейства:

*И наконец занесло Раю в промышленную газету с давними антисемитскими традициями. Будучи еврейкой, она так и не смогла к этому привыкнуть. Она дерзила редактору, выпивала, злоупотребляла косметикой. Короче не ограничивалась своим еврейским происхождением. Шла в своих пороках дальше. С октября Раису начали травить.*⁹²

Довлатов здесь называет еврейство – пороком, естественно, высказывая не свою точку зрения. Так он выносит приговор советскому режиму.

Когда Довлатов сидит в гостинице «Советской» (Сначала здесь жили одни иностранцы. Потом иностранцев неожиданно выселили. Дело в том, что из окон

⁹⁰ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенафлу: «Эрмитаж», 1986.

⁹¹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенафлу: «Эрмитаж», 1986.

⁹² Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенафлу: «Эрмитаж», 1986.

последних этажей можно было сфотографировать цеха судостроительного завода «Адмиралтеец». Злые языки переименовали гостиницу «Советскую» в «Антисоветскую»...⁹³) и его просят проводить Риту до аэропорта, он одевает лыжную шапочку, Рита – дубленку (надеюсь, вы помните идеал полноценного человека из прошлого рассказа!). Тем самым, показывается два стиля жизни, противопоставленные друг другу.

Я натянул свою лыжную шапочку. Рита облачилась в дубленку. Мы спустились в лифте. Рита всю дорогу молчала. Произнесла одну единственную фразу:

-Вы одеваетесь как босяк!⁹⁴

И потом, в сцене в больнице, эта же дубленка служит для нее «пропуском», так же как кумиры были «пропуском» в круг «своих» в прошлых рассказах.

Рита, не дожидаясь очереди, прошла к врачу. Её роскошная дубленка произвела и здесь необходимое впечатление.⁹⁵

А дальше появляется вещь, предмет, которого на самом деле не существует. Он – анекдот, миф. А именно, «изящная советская обувь».

Врач спросил:

-Чем это вас саданули – кирпичиной?

-Ботинком, - говорю.

Врач уточнил:

-Наверное, скороходовским ботинком?

И добавил:

-Когда же мы научимся выпускать изящную советскую обувь?!⁹⁶

⁹³ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁹⁴ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁹⁵ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁹⁶ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

Причем, после драки Довлатов теряет лыжную шапочку.

Все начинается шапкой и кончается шапкой – это некая циклическая композиция рассказа.

Кстати, в этом рассказе я нашла то, чего как раз нет во всех предыдущих рассказах. Это мимолетный «привет» другим авторам. Например, сидя в гостинице, где его все игнорируют, он говорит:

Я опустил настолько, что раскрыл вчерашнюю газету.⁹⁷

Ну, разве не привет Булгакову и его «Собачьему сердцу»? Или:

Я упал. Увидел небо, такое огромное, бледное, загадочное. Такое далекое от всех моих невзгод и разочарований. Такое чистое...⁹⁸

Толстому и «Войне и миру»?

Я любовался им, пока меня не ударили ботинком в глаз...⁹⁹

В общем-то, в этом рассказе ничего абсурдного нет. Видимо, поэтому автор вернул сюда дикую историю о краже заводных игрушек с фабрики. Они дружным нескончаемым потоком сами уходили с фабрики, предварительно заведенные, по специальному туннелю. Сиди и думай, правда или нет.

Завершают цикл «Шоферские перчатки». В последнем рассказе сборника («Шоферские перчатки») разыгрывается абсурдное представление с «Петром I», оказавшимся в Ленинграде. Тем не менее сюжет «Шоферских перчаток» скорее невероятен, чем правдоподобен. Событийная канва такова. Шлиппенбах как-то предложил повествователю поучаствовать в съемках «подпольного» фильма, призванного обличить ложь и пустоту советской действительности.

Пользуясь связями на киностудии, Шлиппенбах добыл кинокамеру. Довлатов, отличавшийся высоким ростом и мощным телосложением, должен был сыграть царя

⁹⁷ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁹⁸ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

⁹⁹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

Петра, основателя города, в котором происходит действие рассказа. Сценарий фильма незамысловат: «царь» ходит по улицам, создается контраст между Петром Великим и убогой и абсурдной действительностью Ленинграда: «Фильм будет минут на десять. Задуман он как сатирический памфлет. Сюжет таков. В Ленинграде появляется таинственный незнакомец. В нем легко узнать царя Петра. Того самого, который двести шестьдесят лет назад основал Петербург. Теперь великого государя окружает пошлая советская действительность. Милиционер грозит ему штрафом. Двое алкашей предлагают скинуться на троих. Фарцовщики хотят купить у царя ботинки. Чувихи принимают его за богатого иностранца. Сотрудники КГБ – за шпиона. И так далее. Короче, всюду пьянство и бардак. Царь в ужасе кричит – что я наделал?!» Однако события развиваются не по сценарию. Публика на странную фигуру никак не реагирует. Единственное исключение – шофер, помогавший в съемках и встретившего рассказчика, который надел старинный бутафорский костюм, дружелюбным вопросом: « – Мужик, ты из какого зоопарка убежал?», совершенно индифферентна к появлению «царя». В конце концов, повествователь становится в очередь за пивом, а затем к нему присоединяются Шлиппенбах и дама Галина Букина, ассистировавшая ему в съемках фильма. Появление «первого русского императора» у пивного ларька было замечено жаждущей опохмелиться публикой. Но интерес оказался особенным: стали спорить, стояли в очереди *«царь со товарищи»*, или же они нагло нарушают порядок. Всё разрешилось благополучно:

«Кто-то начал роптать. Оборванец пояснил недовольным: -Царь стоял, я видел. А этот <...> (Шлиппенбах с кинокамерой. – А. Р.) – его дружок. Так что, все законно!»¹⁰⁰

Алкаши с минуту поворчали и затихли». Очевидно, что сюжет рассказа – анекдотический. Это смешной случай, причем – таково отличительное свойство анекдота – в узловом, кульминационном моменте происходит непредвиденная и непредусмотренная персонажами метаморфоза, смена задуманной модели поведения на диаметрально противоположную. Одним из сюжетов фильма было обличение пьянства народа как порока, присущего советскому образу жизни. Однако же и

¹⁰⁰ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

«царь», и режиссер с помощницей сами участвуют в распитии пива с рядом томящимися алкашами отнюдь не в качестве «киношников», но как «обыкновенные» люди. Причем агрессия толпы в очереди, должна скорее порадовать режиссера Шлиппенбаха (ибо это поведение укладывается в сценарий), рождает в нем настоящий, не «игровой» ужас: «Недовольство толпы росло. Голоса делались все более агрессивными:

<...> Сфотографируют тебя, а потом – на доску... В смысле – “Они мешают нам жить...”

- Люди, можно сказать, культурно похмеляются, а он нам тюльку гонит...

- Такому бармалею место у параши...¹⁰¹

Энергия толпы рвалась наружу. Но и Шлиппенбах вдруг рассердился:

- Пропили Россию, гады! Совесть потеряли окончательно! Водярой залили глаза, с утра пораньше!..

- Юрка, кончай! Юрка, не будь идиотом, пошли! – уговаривала Шлиппенбаха Галина. Но тот упирался. И как раз подошла моя очередь. Я достал мятый рубль из перчатки. Спрашиваю:

- Сколько брать? Шлиппенбах вдруг сразу успокоился и говорит:

- Мне большую с подогревом. Галке – маленькую. <...>

Когда мы выезжали из подворотни, Шлиппенбах говорил:

- Ну и публика! Вот так народ! Я даже испугался. Это было что-то вроде...

- Полтавской битвы, - закончил я».¹⁰²

Роль обличителя народных пороков, принятая Шлиппенбахом, в узловом моменте рассказа оказывается несостоятельной. «Алкашей» обличает человек, который через минуту будет, как и они, жадно пить пиво; язык шлиппенбаховских обличений напоминает «проработочную» лексику столь нелюбимого им советского

¹⁰¹ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

¹⁰² Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

режима («пропили Россию»); в «диссиденте» Шлиппенбахе люди из толпы видят советского журналиста, наподобие тех, кто оформляет стенгазеты с рубриками «Они мешают нам жить»... Наконец, задуманная Шлиппенбахом антитеза

«царь Петр, символизирующий культуру – современные люди толпы, олицетворяющие пошлость и варварство»¹⁰³ трещит по швам: неудачливый режиссер попадает в положение не Петра Великого, а собственного однофамильца, шведского генерала Шлиппенбаха, разгромленного Петром в Полтавской битве. По своему жанру «Шоферские перчатки» – это развернутый и осложненный дополнительными эпизодами рассказ-новелла. Именно сюжету новеллы свойственна поэтика анекдота.

«Сюжетное ядро новеллы чистого типа составляет одно событие, ибо новелла как короткий рассказ рассчитана на единство и непрерывность восприятия. Сообразно с этим должна строиться композиция новеллы и ее изложение. Все должно быть направлено к тому, чтобы внимание слушателя (читателя) было все поглощено ходом повествования, чтобы впечатление от новеллы было единым и непрерывным.

В «Шоферских перчатках» описание одного центрального события, приключения рассказчика и Шлиппенбаха, соединено с относительно самостоятельными эпизодами. Это история знакомства «Довлатова» с несостоявшимся режиссером-диссидентом, «очерк» о привычках Шлиппенбаха, воспоминание о неудачном актерском дебюте рассказчика в школьные годы и встреча повествователя на Ленфильме с кладовщиком Чипой – бывшим уголовником, которого рассказчик знал, когда служил в охране лагеря для заключенных. Эти эпизоды, скрадывающие жесткую новеллистическую схему сюжета, придают рассказу черты естественности, нелитературности. Откровенная литературность Довлатова всегда настораживала – показательно, что его любимым писателем был Чехов, в поэтике которого особенную роль играет «случайное», «непроизвольное»: в событиях, в отборе деталей. Новеллистическая структура,

¹⁰³ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тenaflы: «Эрмитаж», 1986.

«разбавленная» и закамуфлированная «отступлениями в сторону», характерна и для так называемых романов Довлатова. По сути дела, они не что иное как цепь новелл, развернутых анекдотов, соединенных фигурой главного героя (он же рассказчик). Дополнительные смыслы. Поэтика ассоциаций. Но далекий от простоты, весьма нетривиальный художественный смысл «Шоферских перчаток», конечно же, не исчерпывается сюжетом. Помимо прямого, событийного смысла, литературный текст содержит дополнительные значения, именуемые коннотациями (термин заимствован из языкознания и из семиотики – науки о знаках). *«Но что же такое коннотация? Если попытаться дать ей определение, то она представляет собою связь, соотнесенность <...> метку, способность отсылать к иным <...> контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста <...>. ...Коннотация обеспечивает рассеяние <...> смыслов, подобных золотой пылице, усыпавшей зримую поверхность текста (смысл – это золото)»*¹⁰⁴ Вглядимся в ткань довлатовского текста, в его узоры, образованные коннотациями. Один из сквозных мотивов в «Шоферских перчатках» – мотив балаганного переодевания, пародийной подмены. Он задан уже в заглавии. «Шоферские перчатки» - это «перчатки с раструбами. Такие, как у первых российских автолюбителей». Их надевает рассказчик, решившись изобразить царя – основателя города на Неве. Почему эти нелепые предметы должны вызывать ассоциации именно с одеянием первого русского императора, - бог весть. Забавно обстоит дело с «царскими» брюками:

*« – А брюки? – напомнил Шлиппенбах. Чипа вынул из ящика бархатные штаны с позументом. Я в муках натянул их. Застегнуться мне не удалось».*¹⁰⁵

Но ряженный - не только рассказчик. По-своему не лучше (не хуже) его выглядит и ленфильмовский кладовщик, бывший зэк Чипа:

*«Из-за ширмы появился Чипа. Это был средних лет мужчина в тельняшке и цилиндре».*¹⁰⁶

¹⁰⁴ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

¹⁰⁵ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

Такая деталь, как ширма, придает происходящему вид и смысл театральной сцены. Шлиппенбах хотел снять фильм-обличение в жанре высокой сатиры. Вместо фильма получилось шутовство, балаган с карнавальным лже-царем. Но печальный результат был запрограммирован изначально, культурной мифологией, связанной с образом Петра Великого: еще в начале петровского правления после возвращения Петра из первого европейского путешествия по России поползли слухи, что государя «подменили немцы». Другой подтекст довлатовского рассказа – легенды о появлении призрака Петра Великого.

Другой смысловой лейтмотив «Шоферских перчаток» - обманчивость слова. Почти всё сказанное в довлатовском тексте значит не то, что значить должно. Сотрудник Ленфильма, ставящий фильм о Петре Великом, носит русское имя «Юрий» и шведскую фамилию «Шлиппенбах», как и один из полководцев Карла XII – заклятого врага русского императора. Выражение «супружеские обязанности» понимается как *«трезвый образ жизни»*: *«Недаром моя жена говорит: -Тебя интересуется все, кроме супружеских обязанностей. Моя жена уверена, что супружеские обязанности это, прежде всего, трезвость»*. На вопрос рассказчика, сколько пива брать, Галина отвечает: *« - Я пива не употребляю. Но выпью с удовольствием... Логика в ее словах было маловато»*.¹⁰⁷

В конечном счете, разные дополнительные смыслы сводятся к общему смыслу - обманчивости статуса персонажа, его эфемерности, ложности избранных поз и позиций. Повествователь, соглашающийся сыграть роль в «диссидентском» «подпольном» фильме, когда-то служил в лагерной охране, то есть был карающим орудием советской власти, ему очень несимпатичной. (Нужно, впрочем, сделать оговорку – охранял он уголовников, а не политических заключенных.) Рассказчик в довлатовском произведении интеллигент, и ему положено испытывать священный трепет под крылом Ленфильма – этой отечественной фабрики грез. Сначала кажется, что он и вправду такое чувство испытывает: *«Между прочим, я был на Ленфильме впервые. Я думал, что увижу массу интересного – творческую суматоху,*

¹⁰⁶ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

¹⁰⁷ Сергей Довлатов. Чемодан. – Тенаfly: «Эрмитаж», 1986.

знаменитых актеров». Далее эти ожидания расшифровываются, и оказывается, что они – не более чем пошлые и игривые фантазии: «Допустим, Чурсина примеряет импортный купальник, а рядом стоит охваченная завистью Тинякова».¹⁰⁸

Обманчив не только человек, но и место, в котором он оказывается. В Таврическом дворце, где когда-то, до большевистского переворота, заседала Государственная дума, теперь секретарь обкома КПСС «пропесочивает» журналистов.

Образ главного героя знаком нам по классике. Это неплохой человек, отличающий правду от лжи, подлинное от пошлого, он неглуп, остроумен, наблюдателен, по-своему принципиален, когда отказывается подлаживаться под несправедливый порядок. Герой не в силах изменить мир, но он старается избежать подлости, злобы, предательства. Пассивное сопротивление приводит к тому, что жизнь повествователя - это калейдоскоп случайных занятий, сопровождаемых извечным русским пьянством. Словом, перед нами классический образ «лишнего» человека - только на современном материале.

2.3. Тип эмигранта в произведениях Сергея Довлатова

Особый интерес при изучении творчества Довлатова вызывает проблема героя - эмигранта¹⁰⁹¹¹⁰. Существует несколько вариантов классификации героев довлатовских произведений. Две из них принадлежат критикам Н. Анастасьеву и И. Сухих.

Н. Анастасьев выделяет три типа персонажей в творчестве Довлатова: «люди преуспевающие» (номенклатурные работники), «фигуры обочинные» (аутсайдеры) и эмигранты. В классификации И. Сухих представлены «номенклатурные единицы» и «диссиденты», среди которых особое место занимают «внутренние эмигранты».

¹⁰⁸ Сергей Довлатов. Чегодан. – Теняfly: «Эрмитаж», 1986.

¹⁰⁹ Сухих И. Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб. , 1996

¹¹⁰ Анастасьев Н. «Слова – моя профессия» // Вопр. литературы. 2001. № 1. С. 3-22

Существует классификация и самого Довлатова, в которой он выделяет не все типы героев своих произведений, а классифицирует только образы эмигрантов, деля их на 4 группы: политические, экономические, художественные и авантюрные.

Я остановлюсь подробно на типе героя, выделенном Н. Анастасьевым, который подчеркивает, что довлатовские эмигранты, в отличие от эмигрантов В. Набокова, Г. Газданова, Тэффи и др., не страдают по утраченной родине, а пытаются лишь вписаться в чужую жизнь: *«сложившийся образ размывается до неразличимости, и на его месте возникают лица все тех же аутсайдеров, только оказавшихся в чужеродной среде»*¹¹¹, а также на типе героя, выделенном Игорем Сухих, - «диссиденте», который на родине был «внутренним эмигрантом», но со временем стал эмигрантом в полном смысле этого слова. Это люди *«инакомыслящие», не принимающие систему и сложившиеся правила игры, рисующие, пишущие, думающие по-своему и о своем»*¹¹².

В отношении классификации самого Довлатова не совсем убеждает выделение в особую группу эмигрантов политических, так как, на мой взгляд, политических эмигрантов в прямом значении этого понятия в произведениях писателя нет, если только не относить к ним тех, кого И. Сухих называет «диссидентами».

Рассмотрев все точки зрения на классификацию образов довлатовских эмигрантов, можно прийти к выводу о необходимости выстроить следующую концепцию проблемы, связанную со своеобразием этого типа героя, поэтому будут рассмотрены следующие наиболее художественно выразительные и типические образы:

1. Эмигранты: по теории Н. Анастасьева, представляют собой *«не то, чтобы алкашей, но публику сильно пьющую. Не то, чтобы совершенных бездельников, но работой себя не перегружающих. Не то, чтобы вполне циников, но уж никак не носителей высокой нравственности»*¹¹³. К этому типу относятся бывшие советские

¹¹¹ Анастасьев Н. «Слова – моя профессия» // Вопр. литературы. 2001. № 1. С. 3-22

¹¹² Сухих И. Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб., 1996

¹¹³ Анастасьев Н. «Слова – моя профессия» // Вопр. литературы. 2001. № 1. С. 3-22

журналисты, основавшие в Нью-Йорке вторую русскоязычную газету «Зеркало» (Виля Мокер, Лева Дроздов, Эрик Баскин) и сам рассказчик. Рабочий день их, *«как правило, заканчивался выпивкой»*¹¹⁴.

2. Тип «внутреннего эмигранта»: его основной чертой является неприятие законов современного им общества, что находит выражение в особом типе поведения - *«на жизнь они себе зарабатывают в котельных или подметанием улиц»*¹¹⁵. Таких людей поэт Д. Самойлов когда-то называл «тараканами запечными». И. Сухих к ним относит работников котельной и главного героя Эрика Буша из «Компромисса десятого». Среди них публицист Зарецкий, риелтор Аркаша Лернер, таксисты Еселевский и Лева Баранов, «религиозный Деятель» Лемкус, которые эмигрировали в результате возникших разногласий с властью («Иностранка»). Из выделенных самим Довлатовым типов эмигрантов убедительны представители последних трех групп.

3. Экономические эмигранты смогли удовлетворить свои потребности в материальных благах (хорошее питание, разнообразная одежда, благоустроенная квартира или собственный дом), устроившись на *«тяжелую, хорошо оплачиваемую работу»*¹¹⁶. К числу таких героев можно отнести Лору и Алика («Иностранка»), которые смогли приобрести собственный домик в *«одном из сонных пригородов Нью-Йорка»*, где, по их замечаниям, *«жили в основном американские евреи, поляки и китайцы»*¹¹⁷; Бориса Головкера («Встретились, поговорили»), который в Америке *«пришелся ко двору, так как был добросовестным налогоплательщиком и честным трудящимся»*¹¹⁸; Зяму Пивоварова, ставшего через год пребывания в эмиграции хозяином торговой лавки «Днепр»¹¹⁹ и др.

4. «Авантюристы», как утверждает Довлатов, *«люди вечно недовольные. В*

¹¹⁴ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹¹⁵ Сухих И. Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб., 1996 с. 137

¹¹⁶ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹¹⁷ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹¹⁸ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹¹⁹ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

Америку попали случайно. Кто-то с женой поругался и уехал. Кому-то захотелось послушать Гиллести или, допустим, плюнуть в Гудзон с небоскреба»¹²⁰. Для такого типа эмигранта необходимость работать стала полной неожиданностью, И они нашли выход из создавшейся ситуации, согласившись жить на пособие. Это двоюродный брат рассказчика, который «...был неудачником и грубияном» и «всех ругал»¹²¹ («Третий поворот налево»), музыковед Ирина Гольц, желающая выйти замуж за американского миллионера, экономист Скафарь также, как Ирина, предпочитающий решить свои проблемы путем женитьбы на богатой вдове («Невидимая газета»), первая любовь рассказчика Таська, которая устраивала свою жизнь всегда за чужой счет: неожиданно появлялась, брала у своего спутника все необходимое для своего существования и так же неожиданно исчезала, обретя нового («Филиал»).

5. Эмигранты художественные – это, по классификации С. Довлатова, *«люди творческих наклонностей: писатели, художники, редакторы, искусствоведы, журналисты»¹²². Причиной их отъезда из Советского Союза был поиск творческой свободы. Им приходилось труднее всего, так как языка они чаще всего не знали, профессию менять не собирались, а получать пособие считали делом постыдным. Их Довлатов называл «неудачниками», хотя многие из них когда-то были знаменитостями. К ним относится главный герой всех довлатовских произведений – рассказчик, своеобразное альтер эго писателя, а также многие сотрудники газеты «Зеркало»: Эрик Баскин, заведовавший отделом спорта и публицистики, Лева Дроздов, писавший на любые темы, пара Лисовских, заведовавшая отделом театра и кино, «осторожный» Гуревич, отвечавший за политические обзоры, Соколовский, писавший «с необычайной легкостью и мастерством»¹²³, и др. («Невидимая газета»).*

Составленная с учетом точек зрения разных исследователей типология

¹²⁰ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹²¹ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹²² Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

¹²³ Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

довлатовских мигрантов позволяет сделать вывод о совсем непростой, а подчас и трагической судьбе людей, оказавшихся в 70-80-е годы 20-ого века по доброй воле в эмиграции. Они разные: смешные и серьезные, глупые и умные, умеющие вписаться в чужую жизнь и отторгнутые от нее.

Бывший советский кинорежиссер и писатель Эфраим Савела на вопрос, как он может объяснить, что такое эмиграция, ответил: «Эмиграция – это операция на сердце. Кто-то ее переносит, кто-то – нет». В такой ситуации оказались и персонажи довлатовских произведений.

О ком-то из них Довлатов пишет с грустной, но доброй иронией, о ком-то с сарказмом, всем сочувствуя, всех понимая.

Заключение

В 1970-х годах и позже, в те времена, когда начинали публиковать произведения Довлатова, люди уезжали из Советского Союза в Америку. А вскоре и вся страна совершила путешествие: из Советского Союза – в Россию. Часть людей старшего поколения до сих пор временами чувствует себя не очень уютно в изменившемся обществе.

Но нельзя дважды войти в одну реку, и никто не сможет вернуться в СССР, как не могло вернуться подавляющее большинство эмигрантов. Жизнь изменилась, но, как заметила в своем интервью дочь писателя, Екатерина Довлатова, героини его книг, «в основном, все русские и все люди одинаковые, только в разных географических и социальных пространствах».

Довлатов писал об эмиграции как о части России, перемещенной в иное, как мы теперь можем понять, будущее пространство, о неготовности и несоответствии этому будущему. Мы, теперешние, читая его новеллы, невольно сравниваем себя с тогдашними советскими эмигрантами в Америке. Поэтому мне кажется, что в прозе Довлатова, в том числе и в тех произведениях, где затронута тема эмиграции – в широком смысле этого слова – каждый русский, когда бы он ни родился и где бы ни жил, всегда может найти для себя ответы.

«Иностранка» (1986) – книга, где впервые герой – Довлатов отступает на второй план и как бы прячется за внешним увлекательным и даже авантюрным сюжетом – историей эмигрантки Маруси и ее замужества. Объектом его внимания становятся нравы, проблемы и заботы русской колонии в Нью-Йорке. Ярко, пластично обрисованы ее обитатели, их занятия, их быт, с беззлобным юмором показаны их недостатки и слабости. Писатель как бы собирает и классифицирует различные проблемы эмигрантов и проводит мысль, что Америка – вовсе не рай. И, как правило, непросто прижиться здесь переселенцам. Грустная и в то же время с юмором поведенная история Маруси – яркое тому доказательство. Повествуя о самом обыденном и, казалось бы, приземленном, писатель никогда не теряет из виду главной темы, не снижает пафоса своей прозы: «Пропавшая, бесценная, единственная жизнь».

В ходе анализа книги «Чемодан» ясно, что герой-рассказчик (по фамилии Долматов) эмигрирует и везёт с собой в чемодане по-довлатовски нелепые вещи, которые и на родине-то не оченьгодились в использование: креповые финские носки, офицерский ремень, шофёрские перчатки - и много всего ещё. За каждой вещью - история. Смешная или чуть тоскливая: о пьющих людях, о строителях метро, о спекулянтах, о съёмках каких-то идиотских фильмов - в общем, о советской действительности и опохмеляющихся ленинградцах.

Каждая глава - отдельная история, как правило не связанная ни с предыдущей, ни с последующей, и в этом их большая прелесть – их не нужно даже серьёзно осмыслять, нужно только быть готовым к улыбке. В конце этих олитературенных, обросших иронией и вымыслом историй обычно помещаются неожиданно реалистичные развязки: почти всегда невесёлые, но конечно же не безнадёжно-печальные.

Довлатов часто объясняет какие-то очевидные и абсолютно бесполезные вещи – это очень в его стиле, ну например: «Увы, монументальная скульптура – жанр весьма консервативный. Причина этого – в самой её монументальности». Иногда я думаю, что объясняет он и себе в том числе. Может быть даже больше себе. Он сравнивает Америку с СССР и смеётся над тем, что в России воруют – и он в том числе (см. историю «Номенклатурные полуботинки»), и над тем, что халтурят, и над тем, в каких убогих условиях живут. И Довлатов (или всё же Долматов или герой без имени) всегда существует вместе с этими людьми. Вместе с ними халтурит, выпивает, а иногда даже интервьюирует особенно колоритных персонажей.

Однажды я поймала себя на мысли, что думаю, будто в самом деле читаю о жизни Довлатова – того, реального: обидчивого, пьющего, двухметрового человека, у которого были сложные отношения с миром. И мысль эта была очень прочной. Но она, конечно, ошибочна: Довлатов выращивал истории из каких-то крупиц своей реальной эмигрантской жизни, но думаю, очень серьёзно их обрабатывал: развивал, придумывал развязки, облекал в форму незамысловатого анекдота, который понятен каждому.

Думаю, мысль о том, что рассказчик и автор – лицо идентичное, навеяна самим Довлатовым, потому что его герой всегда вместе с читателем: он успевает разъяснить всё необходимое ещё до того, как читатель начнёт задавать вопросы. Проще говоря, рассказчик застаёт читателя врасплох – и проживает ту эмигрантскую жизнь вместе с ним.

РЕЗЮМЕ

Сергей Довлатов в своих новеллах не только передаёт стиль жизни 1960-х в Америке, но и мастерски изображает судьбы русских мигрантов. В США Сергей Довлатов оказался в окружении писателей третьей волны эмиграции, которые тяготились в большей степени к постмодернизму, чем к сохранению русской культуры за рубежом, но несмотря на это ему удалось продолжить традицию "маленького человека". Благодаря своему уникальному художественному стилю, который отличается лаконичностью и простотой, Довлатов преобразовывает повседневность русских эмигрантов в яркие художественные сцены. Для этого он использует разнообразные прозаические методы как гротеск, повтор и циклическая композиция. Юмор и комичность являются неотъемлемой частью его художественного стиля.

К сожалению, признание и популярность пришли к писателю лишь после смерти, однако его современники восхищаются его талантом и характеризуют его как писателя, работающего вне границ любого литературного направления.

Повесть «Иностранка», которая считается лучшей книгой Довлатова, это галерея шаржей на русских эмигрантов. Создавая центральных персонажей, автор детально прорабатывает их характеры, благодаря чему каждый из них кажется живым и близким. Главная героиня Маруся и остальные эмигранты, разочаровываются в Америке как в стране свободы и демократии, многие лишаются иллюзий сформированных на родине.

В книге «Чемодан» повествование ведётся от лица самого автора, где каждая глава названа именем вещи, которая является действующим лицом каждого рассказа. Писатель уложил эти вещи в старый чемодан, чтобы увезти с собой в Америку. Отличительной чертой является самоирония автора, которая вместо ожидаемых насмешек внушает читателю симпатию к автору.

Н. Анастасьев выделяет три типа персонажей в творчестве Довлатова: «люди преуспевающие», «фигуры обочинные» и эмигранты. В классификации И. Сухих

представлены «номенклатурные единицы» и «диссиденты», среди которых особое место занимают «внутренние эмигранты».

Существует классификация и самого Довлатова, в которой он не выделяет все типы героев своих произведений, а классифицирует только образы эмигрантов, деля их на 4 группы: политические, экономические, художественные и вантюрные. Типология довлатовских мигрантов позволяет сделать вывод о совсем непростой, а подчас и трагической судьбе людей, оказавшихся в 70-80-е годы 20-ого века по доброй воле в эмиграции

Истории Сергея Довлатова - это крупинцы его эмигрантской реальной жизни, которые он мастерски облек в форму незамысловатого анекдота, смысл которого понятен каждому русскому человеку.

RESUMÉ

Sergej Dovlatov ve svých románech nejenom zachycuje životní styl šedesátých let v USA, ale také mistrovsky zobrazuje osudy ruských emigrantů. V USA byl Sergej Dovlatov obklopen spisovateli třetí vlny emigrace, která byla spíše pod vlivem postmodernismu, než že by se snažila o zachování ruské kultury v zahraničí, ale i přes to se mu podařilo pokračovat v tradici zobrazení "malého člověka". Vzhledem k jeho jedinečnému uměleckému stylu, který se vyznačuje úsporností a jednoduchostí, Dovlatov přeměňuje každodenní život ruských emigrantů na živé umělecké scény. Pro tento účel používá řadu prozaických metod, jako groteska, opakování a cyklické kompozice. Humor a komično jsou nedílnou součástí jeho uměleckého stylu.

Naneštěstí uznání a popularita přišla ke spisovateli až po jeho smrti. Současníci obdivují jeho talent a charakterizují ho jako spisovatele tvořícího mimo jakýkoliv literární proud.

Příběh novely "Cizinka", která je považována za nejlepší knihu Dovlatova, je galerií karikatur ruských emigrantů. Při vytvoření centrálních postav autor postihuje každou postavu detailně, takže každá z nich vypadá, že je živá a blízká. Hlavní hrdinka Marusya a ostatní emigranti jsou zklamáni z Ameriky jako země svobody a demokracie, mnozí z nich ztrácejí iluze, které měly, když byli ve své vlasti.

V knize "Kufr" je vyprávění vedeno jménem samotného autora, kde každá kapitola je pojmenována podle předmětu, který je zároveň aktérem každého příběhu. Spisovatel tyto věci uložil do starého kufru, aby je s sebou vzal do Ameriky. Výraznou vlastností je autorova sebeironie, která namísto očekávaného posměchu vyvolává čtenářův soucit s autorem.

N. Anastasyev identifikuje tři druhy postav v tvorbě Dovlatova: "lidi úspěšné", "outsidery" a přistěhovalce. V klasifikaci I. Suchich existují "nomenklатурní postavy" a "disidenti", mezi nimiž "vnitřní emigranti" zaujímají zvláštní místo.

Existuje také klasifikace samotného Dovlatova, ve které neidentifikuje všechny typy hrdinů svých děl, ale klasifikuje jen obrazy emigrantů, které rozděluje do 4 skupin: politické, ekonomické, umělecké a dobrodružné. Typologie dovlatovovských emigrantů nám umožňuje vyvodit závěr o velmi obtížném a někdy tragickém osudu lidí, kteří se v 70.

a 80. letech 20. století ocitli v emigraci.

Příběhy Sergeje Dovlatova jsou kusy jeho emigrantského reálného života, které oblékl do forem jednoduchých anekdot, jejichž význam je každému Rusovi srozumitelný.

Список литературы

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996). М., 1998.
2. Анастасьев Н. «Слова – моя профессия» // Вопр. литературы. 2001. № 1. С. 3-22
3. Андриасова Т. Лишний человек это звучит гордо! Московские новости. 1992. 12 января. 2. –С. 23.
4. Арьев А. История рассказчика О Довлатове Сост. Е.Довлатова. Тверь, 2001.-С. 33.
5. Белый А. Сергей Довлатов: я был и гением, и страшным халтурщиком Комсомольская правда 2001-5 июня 16.
6. Бондаренко В, Плебейская проза Сергея Довлатова Наш современник. 1997. 12. 257-270.
7. Вайль П. Без Довлатова Звезда. 1994. 3. –С..162-165.
8. Генис А. Беседа шестая: сад камней. Сергей Довлатов Звезда. 1997. 7 С 235-238.
9. Генис А. Довлатов и окрестности / Александр Генис. – М. : Астрель : CORPUS, 2011. – 736 с. [ISBN 978-5-271-33775-8](#) (ООО «Издательство Астрель»).
10. *Глэд Джон*. Беседы в изгнании - Русское литературное зарубежье Вашингтон, 5 января 1988
11. Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары, М. – «Республика», 1994.
12. Довлатов С. «Встретились поговорили»/С. Довлатов.- М:-С-Спб.- Азбука,2001.-С.273-372.
13. Довлатов Блеск и нищета русской литературы Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 1996.-С. 295-297.
14. Довлатов в Америке. Интервью с Соломоном Волковым. – Журнал «Чайка», №23, 2011.
15. Довлатов С. Иностранка. СПб.: Азбука-классика, 2007. 160 с
16. Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 5-32.

17. Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: Дис.... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.
18. Иосиф Бродский. О Сереже Довлатове. – Журнал «Звезда», № 2, 1992.
19. Карпов А.С. Свой среди своих (О прозе Довлатова) Русская Клепикова Е. Герои вчерашних дней МК 2001 3 сентября словесность. 1996. 2. –С. 41
20. Коваленко А.Г. Проблема циклизации в русской советской прозе Коваленко А.Г. Циклизация в современной прозе. М., 1987.
21. Куллэ В. «Бессмертный вариант простого человека» Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. Итоги Первой международной мконференции «Довлатовские чтения» (Городская культура Петербурга -Нью-Йорка 1970-1990-х годов).-СПб., 1999.- С.- 241-243. 138.
22. Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе конференции «Довлатовские чтения» Поэзия и анекдот Звезда. 1994.
23. Лев Лосев. Русский писатель Сергей Довлатов: Газета «Русская мысль» № 3843, 31 августа 1990.
24. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике// Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования 1958Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина Н.М.Карамзин. Полное собр. Лотман Ю.М.
25. Между зоной и островом: О прозе Довлатова Дружба народов. 1996. 7. – С.153-166.
26. Попов, В.Г. «Довлатов». – М.: Молодая гвардия. 2015 – 368 с. – (Жизнь замечательных людей). – [ISBN 978-5-235-03843-1](https://doi.org/10.1017/9785235038431).
27. Пушкиниана. О власти авторитета. Евгений Рейн. Газета «Алфавит» № 23 (133), 6.6.2001
28. Рейн Е. Б. Мне скучно без [Довлатова](#). Новые сцены из жизни московской богемы. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1997. – 296 с., 5 000 экз. – [ISBN 5-8370-0359-2](https://doi.org/10.1017/9785837003592)
29. Русская литература XX в., ч.1 под ред. Ф. Кузнецова, М. – «Просвещение», 1994.
30. Сайт, посвященный Сергею Донатовичу Довлатову. Статьи. Анатолий Найман. Персонажи в поисках Автора. <http://www.sergeydovlatov.ru/index.php?cnt=7&sub=2> (дата обращения: 12.09.2018)

31. Сергей Довлатов. Чемодан. – Тераfly: «Эрмитаж», 1986.
32. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. - М., 1991.
33. Сухих И. Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб. , 1996 с. 137
34. Умеров Ш.Г. Пространство и время: заграничное путешествие людей «дна» как протожанр в новейшей русской литературе // История и современность. 2011. № 2. С. 179–193.